PG3460
.D49
V3

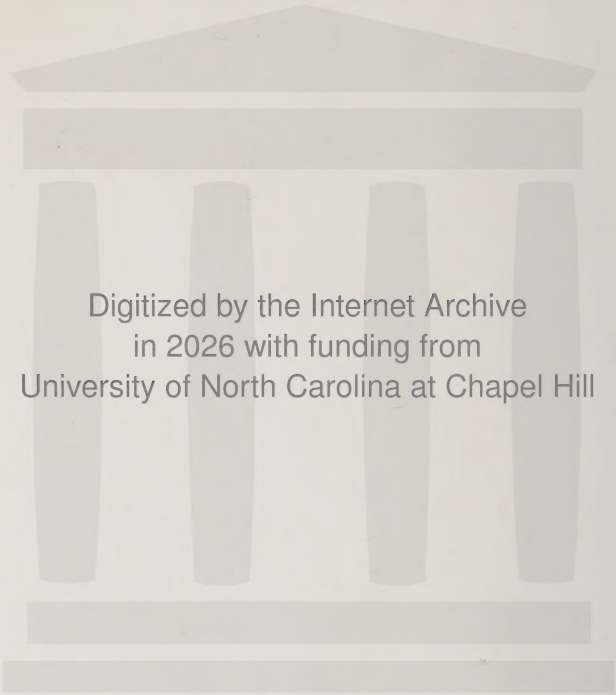
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3460
.D49
V3

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/vienokvfkommissa00diak

Александръ Дьяконовъ

ВѢНОКЪ

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ

ПЕТЕРБУРГЪ. 1913.
ИЗДАНІЕ О. К. КАНЪ.

Александръ Дьяконовъ.

PG 3460
.D49
V3

ВѢНОКЪ

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ.

БЕЗСМЕРТІЕ. СКАЗАНІЕ.

ПОСЛѢДНІЙ ПУТЬ. ВОСПОМИНАНІЯ.

1913.

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

БЕЗСМЕРТІЕ.

СКАЗАНІЕ.

—21 10-3-75

21982 50

БЕАТРИСѢ ПРЕДЧУВСТВУЕМОЙ.

I.

Горѣли свѣчи въ низкой горницѣ, и въ робкомъ ихъ мерцаніи незримо таялъ вечерній сумракъ. У изголовья больной, склонившись, милосердная сестра шептала утѣшеніе — но Маріанна не услышала его. Въ глубокомъ безпамятствѣ, неподвижно лежала она, вся въ бѣлыхъ легкихъ покрывалахъ, и на темномъ лицѣ сомкнулись крѣпко глаза, усталые отъ страшнаго страданія. И въ тишинѣ томительной былъ смертный сонъ и въ сумракѣ вечернемъ холодъ.

Въ этотъ вечеръ Іоаннъ впервые увидѣлъ Маріанну въ тяжкомъ недугѣ — и понялъ съ внезапнымъ ужасомъ, что уже не вернется она въ міръ. Умирала Маріанна лучезарная, жизнь и свѣтъ его — и не было силъ превозмочь родившееся отчаяніе. Уже не могъ коснуться онъ душою своею ея души, устремленной въ холодную, нѣмую вѣчность! Уже не могъ узнать ея ликъ! Тотъ ликъ, которому какъ святынѣ молился онъ, былъ страшенъ, былъ въ смертельныхъ язвахъ и повязкѣ бѣлой. Нѣтъ свѣта въ глазахъ его, и вмѣсто

неба глазъ и упоительной улыбки въ нихъ — увидѣлъ Іоаннъ впадины черныя, гдѣ тихо дышала смерть.

Смерть! Блѣдный саванъ и погребальный вопль это слово! Слѣпая печать рока! Іоаннъ мыслилъ ее для всѣхъ, для себя и милліоновъ душъ — но вѣрилъ, что къ нему придетъ она въ сіяніи любви: Маріанна ясною улыбкою исцѣлитъ его мученіе послѣднее, овѣетъ свѣтомъ души своей — и будетъ смерть торжествомъ святой любви, обращенной въ вѣчность. Такъ думалъ онъ о концѣ, такъ вѣрилъ и надѣялся страстно!

Нынѣ узналъ свое безуміе! Въ родники чистые души былъ брошенъ мертвый камень и тяжесть смертная одолѣвала! И стала жизнь сверхсильнымъ бременемъ и разумъ пыткою!

Помнитъ ли Іоаннъ, что было съ нимъ, когда увидѣлъ умиравшую? Помнитъ ли, какъ съ глухимъ рыданіемъ, нѣмѣя отъ ужаса, упалъ ницъ, поверженный видѣніемъ ядовитой смерти? И какъ потомъ сестры милосердныя едва удержали его, дабы не коснулся онъ смертельныхъ язвъ, покрывшихъ тѣло и лицо Маріанны темными пятнами? Съ молніеносной силой вторглось въ душу безумное желаніе: принять, принять на себя смерть! Изъ когтей чудовища невидимаго вырвать тѣло Маріанны, изъ тьмы кромѣшной освободить ея духъ! Да свершится чудо — и встанетъ Маріанна съ ложа своего чистая, благодатная, съ улыбкой кроткой на блѣдномъ лицѣ, и вновь прозвучитъ, какъ лира, голосъ нѣжный! А Іоаннъ съ собою унесетъ ея смертныя одежды, этотъ страшный

покровъ, человѣка превращающій въ зловонный трупъ. Іоаннъ умретъ — кому нужна его жизнь? Онъ умретъ — Маріанна будетъ жить, Маріанна вновь увидитъ солнце и лучемъ красоты озаритъ людей и міръ! — И съ безумной страстью хотѣлъ прикоснуться къ тѣлу умиравшей, движеньемъ рукъ хотѣлъ сорвать повязки бѣлыя — но удержали его въ послѣдній мигъ и упалъ онъ у ногъ Маріанны, лишенный чувствъ.

Когда очнулся, едва узналъ самого себя: словно прожилъ въ единый день десять лѣтъ, потерявъ навѣки богатство кипучей юности, всю свѣжесть молодой души. Едва вспомнилъ, что было съ нимъ: сонъ или явь? Не бредъ ли больного его память мутная, не ложь ли ужасная вѣсть о близкой смерти возлюбленной? И не кажется ли ему ложно, что уже погасъ вечерній свѣтъ и наступила глухая ночь?

Вдругъ услышалъ голосъ друга Петра:

— Іоаннъ! Утоли печаль въ ночномъ безмолвіи. Отдохни, выйди въ широкія поля. Тамъ встрѣтишь тишину, и успокоится усталое сердце, и силы вновь къ тебѣ возвратятся.

Дышала ночь забвеніемъ, и луна, окутанная саваномъ летящихъ облаковъ, сѣяла робко свѣтъ призрачный. Минуя городъ, вышелъ Іоаннъ въ поля, омытыя весенними дождями. Простору ночному хотѣлъ отдать свое отчаяніе и тишинѣ тоску. Пусть исчезнетъ въ лунномъ свѣтѣ страхъ его

предъ грядущимъ днемъ и вопль души развѣетъ холодный вѣтеръ. И жадно устремился въ темнѣющую даль, словно надѣялся, что въ ней, ея достигнувъ, кончится и жизнь его, и сольется онъ съ землею какъ прахъ земной.

Но крѣпчалъ вѣтеръ встрѣчный, и тамъ, въ высотѣ небесъ, погасъ внезапно свѣтъ луны. Замкнули небо громады тучъ, и понеслись, грозныя, вскидывая яростно свои темныя волны. Съ дикой пѣснью росла неудержимо исполинская сила, и вздохнула тяжело земля, упавъ во мракъ. Буйный вихрь обнялъ Іоанна — и остановился онъ, окруженный тьмой. Уже не могъ итти далѣе, застигнутый ненастьемъ, и упалъ у дороги, притаился на ней спокойный, ясный. Вѣрилъ: въ эту ночь умретъ здѣсь, на темныхъ поляхъ, и то, чего такъ страстно ждалъ, свершится: исчезнетъ въ вихрѣ вопль его, въ капли дождя обратятся слезы, и отчаяніе сольется съ потокомъ бурнымъ. И воскликнулъ, привѣтствуя грозу:

— Пойте, пойте, демоны, сокрушающую пѣснь! Наступитъ мигъ, и будетъ пѣснь ваша неистовствомъ темной бури! Въ ней погибну и отдамъ ей счастье жизни — мою любовь!

И приникъ къ землѣ, будто прощался съ нею, дыша влагою ея въ послѣдній разъ.

Такъ долго лежалъ Іоаннъ недвижимъ и страха не было въ душѣ его. Но не осѣнила землю молнія, не благословилъ громъ. Умолкли вихри многопѣвные, пронеслась воздушно конница небесная, и было слышно, какъ возникла въ ночи тишина легкая. Вновь въ вышинѣ раскрылся

алтарь свѣта и потоки его въ серебряныя ризы облекли землю. И насталъ повсюду глубокій покой.

Когда увидѣлъ Іоаннъ тишину и свѣтъ — всталъ, гнѣвный, и молвилъ, кидая небу свое безумство.

— Богъ! Какъ вѣрный сынъ, я радостно молился Тебѣ и свѣту солнечному, и были дни мои ликованіе! Нынѣ гибнетъ міръ мой, гаснетъ свѣтъ благодатный—Маріанна умираетъ! Хотѣлъ я смерти, забвенія вѣчнаго. Но Ты не принялъ жертву добровольную моей вѣры и любви — и утверждаешь бытіе мое. Услышь же отвѣтный крикъ: возврати мнѣ жизнь возлюбленной! Спаси ее! Ибо темной будетъ вѣра моя въ одиночествѣ, и измѣниться, измѣниться долженъ міръ, чтобы я остался жить въ немъ. Такъ мыслю дерзостно, и отнынѣ не отдамъ Тебѣ воли своей!

Замеръ крикъ въ тишинѣ полей. Въ отвѣтъ услышалъ Іоаннъ великое молчаніе ночное и увидѣлъ въ свѣтѣ лунномъ дыханіе живое смерти. Казалось, въ тишинѣ воздушнаго простора порывисто рождались ангелы смертнаго бытія въ безсмертіи вселенной, и эти ангелы таинственно преображались въ демоновъ, едва угасалъ свѣтъ.

Іоаннъ уже предчувствовалъ тихій бредъ этихъ призраковъ въ душѣ своей: то были вѣстники смерти и одиночества.

2.

Іоаннъ стоялъ у открытаго окна, взоръ устремивъ въ холодную земную даль, и задумчиво слушалъ. Подлѣ него, съ Евангеліемъ въ рукахъ, былъ другъ его Петръ и говорилъ печально:

— Я знаю Маріанну давно. Еще помню ее свѣтлой дѣвочкой, всегда радостной, солнечной. Былъ міръ для нея чудеснымъ садомъ и жизнь въ немъ казалась таинственнымъ очарованіемъ. Окрыленная блаженнымъ невѣдѣніемъ, цвѣла душа ея божественною красотою и вѣчно радостное изумленіе озаряло нѣжный ликъ. Такой я помню дѣвочку въ годы дѣтства и юности, когда жила она съ матерью вдали ото всѣхъ. Но миновали скоро эти годы, отцвѣлъ плѣнительный, волшебный садъ, и Маріанна стала жить. Ты знаешь, другъ мой, первое горе ея жизни: любовь. Ни счастья, ни радости не дала она Маріаннѣ—лишь безмѣрную скорбь. Впервые испытала душа ея страданія, и порою казалось, что подъ тяжестью его погибнетъ Маріанна, какъ молодая лилія отъ буйнаго вихря. Но былъ крѣпокъ стебель, вскормила его благоуханная земля, и не сломилась воля Маріанны. Она узнала только, что жизнь есть и счастье и слезы, вершина свѣтлая и темныя стремнины, любовь и ненависть. Узнала, что есть любовь—блаженство и рай, и иная любовь — цвѣтокъ алый въ душѣ на всю жизнь. И Маріанна взяла этотъ цвѣтокъ, и одинокая вышла въ міръ.

Такъ свершилось ея духовное рожденіе. Купелью была любовь—что, другъ мой, могло быть благодатнѣе!

— Въ мірѣ Маріанна чистымъ сердцемъ увидѣла великое страданіе человѣческое. И всѣ стали ей братьями, и всѣмъ хотѣла отдать сокровища души. И вотъ, съ сладчайшей молитвой на устахъ вошла въ храмъ Красоты. Красотою хотѣла благословить жизнь всѣхъ, въ Красотѣ чтила источникъ истины и вѣчности. У алтаря свѣтоноснаго страстно молилась: да раскроется тайна страданій, и исцѣлится человѣкъ! да исчезнетъ тьма духовная, и возродится, возвеличится жизнь! Глубока была вѣра Маріанны, и услышали ея молитву милліоны людей. Возславили имя ея, радостно несли ей любовь и почитаніе. Казалось, уже близокъ былъ тотъ великій день, о которомъ мечтала Маріанна, какъ о святомъ достиженіи и побѣдѣ духовной: ея Солнце озаритъ вселенную и, склонившись, человѣкъ будетъ молиться красотѣ его! Казалось, близился этотъ мигъ лучезарный, когда душа Маріанны стала бы душою всѣхъ! Какое счастье, какую радость несказанную принесли бы люди Маріаннѣ! И съ какимъ смиреніемъ она приняла бы этотъ даръ любви, обративъ его еще въ большій пламень своей божественной вѣры! Но не пришелъ день торжества! Какъ ни глубока была вѣра Маріанны, не могла она возродить жизнь. И сокрушило ее страшное людское лицемѣріе. Маріанна звала къ великому подвижничеству, цѣломудрію, люди же хотѣли лишь наслажденія отъ ея вѣры и забвенія въ ея молит-

вахъ свѣтлыхъ. И чѣмъ громче звала Маріанна въ міръ Красоты, тѣмъ сильнѣе боялись всѣ требуемыхъ отъ нихъ жертвъ. Вчера еще прославлявшіе, въ день грядущій бѣжали прочь! Тотъ храмъ, что воздвигла Маріанна какъ прибѣжище вѣрнымъ, опустѣлъ, и уже кричали многіе, что вѣра ея — заблужденіе, призрачная мечта, соблазнъ. О, лицемѣры и торгаши! Я вымолвилъ бы вамъ проклятіе, если бы зналъ, что, услышавъ его, вы содрогнетесь! Но я молчу, ибо знаю, что и слово проклятія не измѣнитъ васъ, слѣпцовъ отъ рожденія!

— Такъ суждено было Маріаннѣ испытать еще разъ крушеніе любви. Какая скорбь посѣтила ее, какое отчаяніе вторглось въ душу! Помнишь ли, другъ мой, лицо ея? Замѣтилъ ли, что свѣтъ прекрасныхъ глазъ порою сталъ замирать, и во взорѣ ихъ были темныя волны боли и ужаса? Увидѣлъ ли въ глазахъ ея море скорби, отражавшее всю глубину смятенной души? Но и въ страданіи своемъ, въ страшномъ униженіи сохранила Маріанна смиреніе. Никто не услыхалъ ея бунтующаго крика, никому не сказала она, что сердце ея — рана кровавая. Съ великою кротостью покорилась судьбѣ и приняла обѣтъ отреченія. Но не могла облечь себя въ одежды монахини. Не могла принять міра-кельи: чудеснымъ садомъ остался для нея міръ, и туда хотѣла итти, какъ мать духовная дѣтей. Истину своей любви отдать хотѣла юношамъ и дѣвушкамъ, душа которыхъ подобна чистому источнику. Исполнится ли въ грядущемъ ея послѣдняя надежда?

— Вотъ, другъ мой, образъ Маріанны, запечатлѣнный въ моей душѣ. Живая красота этотъ образъ, и я не знаю въ мірѣ иной женщины, обаяніе которой было бы столь прекрасно! Маріанна! Какая глубокая жизнь, мощная душа и свѣтлый умъ! И какъ прекрасно все ея страданіе! И вотъ, внезапно приходитъ смерть. Въ ней я чувствую: Маріанна отмщена! Близится конецъ ея страданіямъ: они уже будутъ свѣтлымъ сномъ вѣчности. Богъ хочетъ взять ея душу, — вѣришь ли, Іоаннъ, въ Него? Я спокойно принимаю эту смерть. Маріаннѣ смерть — блаженство, рай! На небесахъ она увидитъ ту Красоту, которой такъ ревностно и свято молилась на землѣ. На крыльяхъ вѣчности взнесется душа ея, и Богъ приметъ чистую, бѣлую лилію!

Петръ умолкъ. И дрожащими руками раскрылъ Евангеліе.

Шли дни, сѣрые, угрюмые, сумрачные. Будто осень вернулась раннею весною и окуталась земля въ туманъ и холодъ, тоскуя и горько плача о солнечномъ изнеможеніи. Тихое умираніе затаила земля и глубокая печаль была въ ея дыханіи. — Какъ была печаль и въ сердцѣ Іоанна.

Одинокій, въ страшномъ изнеможеніи встрѣчалъ онъ дни. Раннимъ утромъ выходилъ на тихія улицы города и ждалъ, когда осѣнитъ его ласковый лучъ. Тоска земли о солнечномъ могуществѣ врывалась въ душу тихимъ вздохомъ, и казалось, что весь міръ, какъ и онъ, печальный

Іоаннъ, замеръ въ глубокомъ ожиданіи. Ждала земля страстно освобожденія изъ оковъ холода, душа Іоанна жаждала воскресенія. Да не свершится смерть! Да не будетъ лобзанія ея — и Маріанна оживетъ и возликуетъ, едва мечъ огненный, свѣтоносный разсѣчетъ этотъ туманъ и мглу! И трепетно молился Іоаннъ и неустанно ждалъ.

Но было небо въ лютомъ холодѣ и облака свивали блѣдный саванъ. Ни единажды лучъ солнца не озарилъ землю, и дремала она сиротливая, омытая скорбью небесъ. Сумракъ и печаль сѣяли дни и казались въ своей бѣдности однимъ днемъ похороннымъ. Будто дорога въ вѣчность молчаливо раскрывалась предъ взоромъ Іоанна— и уже не было возврата къ жизни!

Такъ тосковалъ Іоаннъ, забытый въ мірѣ и въ немъ позабывъ себя. Возносясь въ душѣ до страшнаго мучительства, которымъ, какъ облакомъ гнетущимъ, окутана была душа Маріанны, — уже не надѣялся, что наступитъ часъ, и мѣра страданія, раздѣлившись надвое, уменьшитъ муки возлюбленной. Уже не надѣялся, ибо гаснулъ день и крылья мрака незримо охватывали землю. — И мгновенно рушилось судорожное спокойствіе Іоанна.

Какъ призракъ небытія вставала ночь. Въ вольномъ вихрѣ ея была пѣснь вѣчности и въ холодѣ бездыханный покой. Безликій темный духъ мчалъ міру неумолимое проклятіе, въ ночномъ просторѣ рождалась смерть— и Іоаннъ предчувствовалъ, что Маріаннѣ нѣтъ спасенія, она —

обреченная на гибель! И бѣжалъ изъ дома своего, лишенный сна и малаго отдыха, объятый страхомъ какъ огненной лихорадкой. Бѣжалъ въ глухую полночь къ тому мѣсту, гдѣ умирала возлюбленная, и падалъ у порога дома, задыхаясь отъ отчаянія и рыданій. И молилъ, молилъ страстно:

— Вернись, Маріанна! Вернись на землю, ибо ты видишь, что не можетъ она дать цвѣтовъ благоуханныхъ, если ты взоромъ не оросишь плодъ ихъ! И я не могу жить! Кто словомъ трепетнымъ даруетъ благодать? Кто взоромъ яснымъ освятитъ день мой гаснущій? Нѣтъ жизни, если на утро не увижу лица твоего, свѣтлаго какъ солнечный лучъ, и не услышу голоса твоего, нѣжнаго какъ пѣніе райскихъ птицъ! Ты одна— радость безконечная, явись же въ одеждахъ совершенства, въ красотѣ нетлѣнной! Скажи кротко утѣшеніе, и отчаяніе мое навѣки скроется!

И слышалъ въ отвѣтъ глубокое безмолвіе ночное. Какъ разбойникъ безъ меча и угрозы, стояла ночь кругомъ, убивъ во мракѣ всѣхъ, призывающихъ свѣтъ.

Объятый тишиною, словно дыханіемъ грядущей смерти, Іоаннъ, упавъ на землю, воспаленными устами жадно приникъ къ ней. И въ изступленіи кричалъ, смертельно раненый святымъ чувствомъ любви, и стонъ былъ въ голосѣ его, стонъ мукъ безконечныхъ.

— Возлюбленная моя! Лишаюсь разума, если мыслю тебя умирающей! Неужели надѣнешь ты одежды, въ которыхъ полагаютъ въ гробъ, и

жизнь твоя безцѣнная въ роковое мгновеніе соединится съ тайной смерти? Нѣтъ! Не вѣрю, не повѣрю никогда! Безсмертна душа твоя! Тебѣ смерть — лишь глубокая разлука съ міромъ, дабы явиться вновь въ осіянной красотѣ и легкости воздушной! Маріанна! Вотъ цѣлую землю, матерь твою, даровавшую міру столько красоты! Цѣлую землю, ибо любовь моя какъ земля велика, безмѣрна и родить можетъ подобно ей!

Изнемогая отъ страданія, уже не мыслилъ Іоаннъ, смертнымъ испугомъ поверженный, къ землѣ склонившись съ тихимъ рыданіемъ.

И только когда ночная тьма гасла въ робкомъ свѣтѣ зари, когда вновь видѣніе жизни пробуждалось въ душѣ, Іоаннъ покидалъ свою возлюбленную.

3.

У постели больной милосердная сестра поставила образъ всѣхъ скорбящихъ Радости, предъ Ней затеплила лампады, и чистый золотой свѣтъ озарилъ кротко умиравшую. Сбросивъ покрывала, лежала Маріанна въ бреду, въ предсмертномъ истязаніи. Темнымъ было лицо ея отъ острой боли и палящій жаръ раскаленнымъ огнемъ сжигалъ ея тѣло. Мгновеніями она судорожно вздрагивала, открывала глубокіе глаза и затаенный взглядъ ихъ былъ страшенъ и нѣмъ. Изъ вѣчной тьмы вопрошалъ этотъ взоръ, ни мольбы, ни отчаянія не было въ немъ, лишь одинъ обна-

женный ужасъ отъ сверхсильной пытки. Только въ этомъ страшномъ взорѣ еще теплилась жизнь, и едва устало смыкались вѣки—казалось, уже безсильна Маріанна открыть ихъ вновь. Уже не было возврата къ жизни, былъ пройденъ путь страданій судьбою уготованный, и въ послѣдній день душа Маріанны обручилась съ вѣчностью.

Такъ, при свѣтѣ чистомъ хрустальныхъ лампадъ, мерцалъ этотъ призракъ живой Маріанны, нѣкогда столь прекрасной! Едва слышенъ тяжелый вздохъ ея, и кажется жизнь Маріанны жизнью лампады гаснущей. Еще томительно горитъ она, безсильно вспыхиваетъ — и вотъ угаснетъ! И возникла въ горницѣ глубокая тишина: скрылось въ ней все великое — исчезла душа Маріанны, и стало столь малымъ — пламенемъ гаснущимъ умирающаго сердца! Вотъ почему такъ испуганы сестры смиренныя, въ слезахъ трепещущія у ложа смертнаго. Онѣ шепчутъ молитвы, призываютъ Бога свидѣтелемъ этой страшной кончины, зовутъ Маріанну, дрожащими руками прикасаясь къ ней, — и цѣпенѣетъ великая скорбь ихъ. Ибо гдѣ же власть изъ малаго огня создать огонь жизни? Гдѣ могущество разума человѣческаго преодолѣть смерть? Отвѣта нѣтъ! И еще громче плачутъ сестры, моля о пощадѣ, еще ниже склонились, боясь увидѣть ликъ смерти воплотившимся.

Будто въ глубокомъ снѣ лежала Маріанна, не слыша плача и скорби сестеръ. Огненною силою низринута была душа ея во мракъ, и вихрь чудовищныхъ видѣній рождался въ немъ.

Въ свѣтлой зеленѣющей долинѣ гнались за Маріанной убійцы. Ихъ лица искажались улыбкою демоновъ, и простерты были тысячи страшныхъ рукъ, дабы схватить ее въ желѣзныя объятія. Гнались убійцы, разбойники, предатели, и въ дикомъ бѣгѣ, дикомъ крикѣ превращались въ дьяволовъ, химеръ, полу-людей, полу-животныхъ. Уже къ самому небу вздымались волны адскихъ голосовъ — и солнце гасло. Темнѣла долина, ледяной холодъ сливался въ гуломъ проклятій, и во всемъ мірѣ лишь въ сердцѣ Маріанны еще былъ свѣтъ. Маленькимъ солнцемъ было это сердце, и Маріанна стремительно несла его въ вѣчность, къ свѣтлому Богу, на крыльяхъ ангельскихъ, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ. Но все ближе и ближе было сатанинское полчище, все оглушительнѣе стонъ проклятій, и уже готовы дьяволы настичь и этотъ свѣтъ—и убить, убить святую дѣвушку! Еще нѣсколько мгновеній...

И Маріанна, одолѣвая послѣднюю боль, отчаянно сопротивляясь настигающей смерти, вѣчному мраку и вѣчному холоду, уже проникшему въ глубину души, — въ послѣдній разъ приподнялась съ ложа смертнаго. И въ неистовствѣ плѣненной жизни, полная яснаго сознанія предъ вѣчнымъ безсознаніемъ, святымъ чувствомъ плоти осѣненная, въ бѣшеной ярости крикнула:

— Возьми меня, смерть!

И разсѣкъ голосъ тьму отчаянія. И упала Маріанна, сомкнувъ навѣки усталые глаза.

Въ эту страшную ночь шепнулъ Петръ другу своему:

— Маріанна умираетъ!

Будто не услышалъ Іоаннъ его тихихъ словъ. И не Петръ сказалъ ихъ: развѣ хочетъ онъ предречь другу своему яркое безуміе? Развѣ жить уже не можетъ Іоаннъ, и душа его — сосудъ разбитый? Нѣтъ, трижды нѣтъ! И снова слышитъ голосъ друга, какъ предбурный вѣтеръ, ворвавшійся въ открытое окно его души:

— Маріанна умираетъ!

Ослѣпленъ Іоаннъ роковымъ словомъ. Сердце его безтрепетно, и самъ онъ — меньше, чѣмъ горсть земли. Услышалъ—умретъ Маріанна, — кто могъ сказать это? Человѣкъли съ живымъ сердцемъ или камень? И не различаетъ, камень или человѣкъ.

Затаивъ ужасъ, ничего не отвѣтилъ другу своему. Лишь взглядъ горящихъ глазъ вдругъ сталъ злобнымъ и хищнымъ, будто смотрѣлъ онъ въ бездну темную, объятый ненавистью.

Въ полночь вышелъ изъ дому, и скоро былъ уже тамъ, гдѣ погибала Маріанна. Какъ и прежде, на пустынной улицѣ увидѣлъ холодный бѣлый домъ и окна его, посеребренныя свѣтомъ луны. Здѣсь еще наканунѣ страстно молился, скорбѣлъ и плакалъ, ибо зналъ, что за этой каменной преградой трепещетъ сердце Маріанны. А теперь? Не обманываетъ ли его зрѣніе? Не зіянія ли темныя окна, не входъ ли они въ могильный склепъ? И стѣна каменная — не ограда ли это вѣчности, предѣлъ, куда дневной свѣтъ не проникаетъ?

Испытующе смотритъ Іоаннъ, и кажется ему, что стоитъ онъ у входа въ вѣчный мракъ. Войти туда, и воспоминанія о Солнцѣ, еще хранящіяся въ душѣ, исчезнутъ! Ибо исчезнетъ душа Іоанна, мракомъ поглощенная. Войти ли? Нѣтъ! Пусть при свѣтѣ луны колеблется жизнь его — жизнь ли? — какъ лунный лучъ обманчивая, призрачная. Переступивъ порогъ дома, развѣ не лишится разума, когда услышитъ предсмертный вздохъ и увидитъ Маріанну, обезсилѣвшую въ страшныхъ мукахъ? Пусть при свѣтѣ луны горитъ одна жизнь, полагаемая въ гробъ, идущая въ темный путь небытія. И пусть при свѣтѣ луны горитъ его, Іоанна, жизнь, въ огнѣ пытокъ горитъ какъ факелъ, яростнымъ вѣтромъ гасимый! Не войдетъ въ домъ Іоаннъ. И будетъ жадно, какъ прикованный, смотрѣть въ эти темныя зіянія и ждать конца. Ничего не скроется отъ взора его, ничего не можетъ скрыться въ этомъ лунномъ снѣ!

И приникъ къ стѣнѣ каменной, у чернаго окна. И вдругъ услышалъ глухой крикъ—

— Возьми меня, смерть!

Услышалъ голосъ Маріанны — и не узналъ его: такъ измѣнился онъ! Это не голосъ Маріанны, это крикъ самой смерти! И холодѣя отъ ужаса, мгновенно понялъ, что Маріанна отошла въ вѣчность. Услышалъ, какъ перестало биться ея сердце, услышалъ изъ груди послѣдній вздохъ! Въ послѣдній разъ предъ нимъ видѣніе Маріанны: вотъ онъ подлѣ нея, какъ и сестры милосердныя, склонился съ тихимъ рыданіемъ. А гдѣ она?!

Свершилось! Исчезла стѣна каменная и хлынули потоки мрака! Безсильный одолѣть его, упалъ Іоаннъ на землю, будто смерть Маріанны поражала и его жизнь. И въ тишинѣ разсвѣтной пронесся безумный крикъ.

— Будь проклята, земля! Нѣтъ мѣста на тебѣ не омытаго слезами любви Маріанны, и ты за эту любовь отмстила смертью! Любовь солнечную навѣки угасила, будь же проклята трижды! Ты не животъ жизни, а живая смерть, тлѣнъ и мракъ! Земля, земля! О, какъ ненавижу тебя, скелетъ твой необъятный! Въ неистовствѣ хотѣлъ бы испепелить тебя, хотѣлъ бы грызть конецъ тебя, если бы могъ найти его! Но ты безмѣрна! Ты безконечна, безкрайна — и потому властвуешь! Да будетъ такъ! Но клянусь тебѣ: не уничтожишь смертью Маріанну! Она безсмертна! Душая ея — вотъ эта ночь! А завтра она будетъ въ лучѣ солнца, въ каплѣ воды, въ божественномъ дыханіи неба! Клянусь—нѣтъ смерти, и я, Іоаннъ, возлюбившій Маріанну, возвращу ей жизнь! Она воскреснетъ!

4.

Туманное утро сѣяло сумракъ. Какъ день, полный суроваго холода, проснулся и Іоаннъ, и не было въ его сердцѣ печали. Просвѣтленный страданіемъ, спокоенъ онъ, чуждый міру. Вотъ пришелъ новый день, и проживетъ его, какъ уже прожилъ безконечно много. И вышелъ за городъ, въ широкія поля.

Открылись дали въ земномъ просторѣ навстрѣчу путнику. Безмѣрная ихъ глубина сливалась съ небомъ, дыша забвеніемъ, и вѣтеръ легкій уныло пѣлъ. Тишина въ Іоаннѣ такая же, какъ вкругъ него. Молчитъ разумъ, не ищетъ отвѣта, откуда пришелъ свѣтъ. Ибо есть день и ночь, любовь и смерть, смерть и воскресеніе. Развѣ родится одна радость и нисходитъ на землю только миръ? Есть и печаль и безуміе. Все въ природѣ — кругъ завершенный, и въ немъ, какъ звенья, смерть и безсмертіе.

И вспомнилъ Маріанну. Уже въ гробу она, бездыханная. Безкровно ея сердце и сомкнуты глаза сномъ вѣчности. Кажется, она и міръ — расторгнуты, и пропасть смерти неодолима. О, бѣдный людской умъ! Развѣ исчезаетъ любовь и красота? Маріанна была великою любовью и лучезарной красотой, и наступитъ день торжества ея!

— Только уповать страстно — шепталъ Іоаннъ — неустанно молить — и сбудется! Вотъ холоденъ и сумраченъ міръ, нѣтъ солнца уже девятый день, но развѣ не взойдетъ оно? Еще наканунѣ проклиналъ землю — нынѣ вѣрю: она вѣчная прародительница! И ошибался я, ибо въ безуміи своемъ измѣрялъ жизнь днями и разумъ глубиною мысли. Нынѣ знаю: измѣряется жизнь вѣчностью, и не я люблю Маріанну, а сама мысль о ней есть воплощеніе любви. Уже чувствую, какъ свѣтъ души Маріанны возгорится во мнѣ жаднымъ пламенемъ и измѣнится весь міръ. Ибо не испытываю надъ собою власти той жизни, которою живу. Во мнѣ

все умерло, какъ умеръ я вчера, преданный печали и времени.

Такъ думалъ Іоаннъ, и мысли страстныя жгли разумъ, какъ молніи сверкая въ глубокомъ небѣ одиночества его. И не было отчаянія: уже истлѣлъ въ душѣ мучительный міръ жизни и тихое преображеніе осѣнило новымъ свѣтомъ. Страданія сердца приблизились къ предѣлу силъ человѣческихъ, и сверхсильное стало ношею неизвѣданнаго блаженства. Ибо жаждалъ Іоаннъ источника любви, наслажденія красотою Маріанны—и уже вѣрилъ, что жадно пьетъ изъ этого источника и видитъ міръ весь въ новой красотѣ. О, сколько счастья испытываетъ онъ въ видѣніи нетлѣнной Маріанны! Какъ безмѣрна его любовь за гранью вѣчности!

И воскликнулъ, сіяя радостью:

— Маріанна! Маріанна! Видишь ли меня безконечно успокоеннымъ и вѣрнымъ тебѣ? Душа моя владѣетъ твоею душою — ты въ любви своей отдала ее мнѣ! Нынѣ великою красотою утверждаю бытіе мое, несу чрезъ темный міръ, окружившій меня, твой свѣтъ. У вратъ вѣчности вижу тебя и стремлюсь навстрѣчу, дабы лобзаніемъ на устахъ запечатлѣть блаженство!

И оглянулся вдругъ, остановился, будто хотѣлъ въ этотъ мигъ найти сіяющій путь вѣчности. И увидѣлъ темныя поля, просторъ холодный и тишину мертвую. Какъ легкій саванъ, незримо таялъ блѣдный и прозрачный свѣтъ — и солнца не было!

И помутнѣлъ разумъ Іоанна, испуганнаго ощущеніемъ земнымъ. Едва различаетъ, день ли предъ

глазами его, или онъ только кажется ему, будто въ полуснѣ? Взойдетъ ли солнце, оживетъ ли оцѣпенѣвшая земля — какъ и сердце его, исполненное вдругъ томительнаго ужаса и страшнаго невѣдѣнія?

И вспомнилъ Бога, ту ночь, когда говорилъ съ Нимъ. На этой же землѣ взывалъ громко — и моленіе не было услышано. Молиться ли нынѣ? Во власти ли Бога спасти его жизнь? — И не могъ найти слова обращенія къ Нему.

И тихо молвилъ:

— Уже покинулъ меня Богъ! На землѣ сей мертвой стою, но придетъ часъ, и загорится душа въ огнѣ любви пречистой, загорится весь міръ огнемъ красоты! Гряди, Маріанна, гряди въ душу мою, покуда темную! Но сбудется! Далъ клятву и сбудется!

И возвратился въ городъ.

Былъ еще вечеръ поздній, но уже воцарился глубокій мракъ. Вихрь ненастья настигъ землю и бушевалъ на ней какъ разъяренный звѣрь. Съ глухимъ рокотомъ неслись потоки ливня и гудѣлъ вѣтеръ, разсѣкая мглу. Теряя дороги, шелъ Іоаннъ къ кладбищу и уже не надѣялся найти его. Но вдругъ услышалъ сквозь шумъ непогоды далекій звонъ, уносимый вихремъ. И устремился жадно навстрѣчу зову скорбному, увидѣлъ, наконецъ, мерцавшіе огни и вошелъ за ограду церковную.

Въ полумракѣ церкви высоко стоялъ закрытый

гробъ. Кончилъ молитву священникъ и благословилъ усопшую въ послѣдній разъ. Упали ницъ молившіеся, прощаясь слезно съ Маріанною, и соединились ихъ сердца въ единомъ вздохѣ любви. И въ тишинѣ возникшей, какъ облако земной печали, рѣялъ дымъ кадильницъ.

Когда опустѣла церковь, Іоаннъ приблизился ко гробу. Положилъ руки поверхъ него и поникъ устало, закрывъ глаза. И вдругъ отпрянулъ, чувствуя, какъ холодъ смерти, гробомъ отданный, проникъ мгновенно въ его душу! Проникъ неумолимо, съ всесокрушающею силою, и содрогнулся Іоаннъ отъ леденящаго ужаса! Нѣтъ избавленія ему отъ страшнаго объятія, уже разитъ и рушитъ его живая смерть! Жаждалъ неустанно чуда, хотѣлъ избавиться отъ смертныхъ мукъ — нынѣ узналъ безграничность темной воли и увидѣлъ возвращеннымъ тотъ міръ, который проклиналъ въ дикомъ заблужденіи! И яростно крикнулъ:

— Радуйся, Іоаннъ! Хотѣлъ чуда — и видишь гробъ, и въ немъ Маріанну, добычу червей! Хотѣлъ исторгнуть навѣки тлѣнъ жизни, и вотъ въ душѣ великое опустошеніе! Воистину, міръ — темная пустыня, и сердце человѣческое мертвый камень! Почто страдалъ за любовь къ Маріаннѣ? Вотъ она, бездыханная, вижу ее, какою видѣлъ въ мигъ кончины! Она безгласна!

И упалъ подлѣ гроба съ дикими воплями, растерзанный страшной судорогой. И лежалъ долго въ тяжеломъ безчувствіи.

Когда очнулся, тихая печаль осѣнила душу, и

хотѣлъ проститься съ Маріанною. Въ послѣдній разъ хотѣлъ сказать ей о любви и навѣки, навѣки покинуть. Поцѣловалъ трижды гробъ и молвилъ въ тишинѣ:

— Прощай, моя возлюбленная! Ты знаешь: по долинѣ жизни я шелъ и свѣтило солнце мнѣ. Сердце неустанно стремилось къ благодатному лучу его, и лучемъ благодати была красота твоя, Маріанна! И вдругъ померкло все! Солнце любви сожгло душу, и міръ сталъ мертвымъ. Уже не вернусь въ него, ибо силъ нѣтъ взглянуть насвѣтъ дневной. Живу ли я, Маріанна? Не сонъ ли темный всѣ дни мои въ одиночествѣ? И когда приходитъ ночь, развѣ я хороню себя въ тишинѣ ея, а не меня хоронитъ тишина страшнаго отчаянія? Не разумѣю, не разумѣю, Маріанна. Въ душѣ моей — сонъ вѣчности, твой сонъ безконечный.

И покинулъ церковь. И легъ у ограды ея въ изнеможеніи. Пріоткрылъ глаза и изумился: уже не могъ различить, ночной ли мракъ кругомъ, или этотъ мракъ былъ смертью души. И содрогнулся томительно отъ холода, покрытый имъ какъ саваномъ тяжелымъ.

•

5.

Маріанну хоронили въ великомъ сѣверномъ городѣ. Его каменное сердце потрясла ея мученическая смерть, и ужаснулись всѣ, испуганные жестокостью судьбы, забывъ грѣхъ свой предъ

страдалицей. Въ тоскѣ и жалости забыли враги хулу свою и люди праздные свое безстыдство, и въ похоронный день возжгли ярко свѣтильникъ славословія. И вышли такъ встрѣчать тѣло умершей.

Было сумрачное, туманное утро. Блѣдной пеленой раскинулись воздушныя поля, и тусклъ и бѣденъ былъ ранній свѣтъ. Глядѣлъ сурово ликъ города, сковала уста его печать безмолвія, и по землѣ таинственно пронесся холодъ смерти.

Въ глубокой тишинѣ встрѣтили гробъ. Друзья Маріанны съ молитвою приняли его и понесли бережно, въ предшествіи вѣнковъ. Окруженные потокомъ людныхъ, вышли на широкую площадь — и склонились всѣ, ожидавшіе возвращенія Маріанны въ родной городъ. Склонились въ страхѣ, увидя ее высоко взнесенную во гробѣ бѣломъ, несомую съ торжественной печалью. И поражены были видѣніемъ лютымъ! Будто хотѣли встрѣтить живую, трепещущую Маріанну, ликъ которой, овѣянный красотой воспоминаній, нетлѣннымъ былъ въ сердцахъ любившихъ. Но не было возврата къ прошлому, и вотъ увидѣли всѣ смерть — тяжелый гробъ столь легкой, столь нѣжной Маріанны! И пришли внезапно въ смятеніе, и глухой рокотъ ужаса, вздохъ и слезы слились съ громкимъ пѣніемъ вѣчной памяти. Казалось, въ этотъ мигъ Маріанна отдала родному городу послѣднее, что было у нея — смертное свое страданіе,—и простерлись навстрѣчу ей тысячи сердецъ, объятыя отчаніемъ. И понесли гробъ какъ святыню народную, и печальное славословіе свѣтлымъ

воскликомъ озарило тяжкій путь Маріанны къ мѣсту покоя вѣчнаго.

Когда приблизились къ монастырской обители, на широкой полянѣ ея уже бушевало людское море. Хотѣли всѣ проникнуть за церковную ограду и отдать Маріаннѣ послѣднее цѣлованіе. И едва внесли ее въ просторный храмъ, тишину его высокую нарушилъ рѣзко гулъ голосовъ.

Въ сумракѣ церковномъ покоилась Маріанна на возвышеніи, украшенная цвѣтами, въ пышномъ объятіи вѣнковъ. Какъ молчаливый знакъ любви, окружили ее земныя приношенія, стремясь согрѣть въ холодѣ смерти. До глубокой ночи приходилъ народъ поклониться гробу и неизбывная скорбь слышалась въ молитвахъ тихихъ. Великою мученицею нарекла молва Маріанну, и въ послѣднемъ цѣлованіи ея было цѣлованіе святой.

Заутро Іоаннъ вошелъ въ храмъ. Благодатная тишина умилила его душу, и подумалъ онъ, что эта тишина — все тотъ же сонъ томительный, овладѣвшій имъ уже много дней. И всталъ подлѣ гроба на колѣни и простеръ руки въ нѣмомъ ожиданіи. Молитвы не было на устахъ, они шептали только имя возлюбленной. И не видѣлъ гроба, пышнаго убранства похороннаго — былъ чуждъ ему въ тайномъ единеніи съ почившей. Вдругъ крикнулъ:

— Гряди, Маріанна, гряди ко мнѣ!

И умолкъ, испуганный звукомъ голоса. Мгновенно скрылась во взорѣ радость и поникъ устало,

съ лицомъ искаженнымъ судорогой. Уже не сознавалъ, гдѣ онъ: въ храмѣ ли безмолвномъ или въ земномъ просторѣ, подъ куполомъ сумрачныхъ небесъ. Лишь предчувствовалъ, что свершится нынѣ чудо — и придетъ Маріанна за нимъ. И отдастъ ему душу свою — бѣлую лилію.

Крадучись, боязливо приблизился къ усопшей и взялъ себѣ съ гроба цвѣты. Поцѣловалъ ихъ, шепча беззвучно:

— Я жду! Гряди, гряди, красота явленная!

И ждалъ отвѣта. Озирался, искалъ кого-то, и не могъ найти. Казалось, широко раскрытые, изумленные мучительно глаза его перестали видѣть. Слышалъ только, какъ притаилась тишина. Это онъ, Іоаннъ, притаился въ тишинѣ и горько плачетъ. Или тишина — душа Маріанны, съ рыданіемъ зовущая его? И не могъ понять, о чемъ думалъ: будто низринутъ въ тьму и страшная боль падала въ душу. И уже не было силъ терпѣть эту боль и ждать исцѣленія.

Теряя сознаніе, невѣрной поступью вышелъ изъ храма. Упалъ на широкія ступени его и, глубоко вздохнувъ, томительно замеръ. Въ вихрѣ темнаго ужаса исчезла воля и мчали волны въ необъятную пустоту. И холодѣлъ въ душѣ мракъ, превращаясь въ слѣпящую бѣлизну смерти.

Когда очнулся — хрустальной пустотой былъ міръ. Въ немъ Іоаннъ — лишь свѣтлая жажда чудеснаго. Уже не чувствуетъ тяжести земной, разлученъ навѣки съ печалью и никогда не испытаетъ боли смертной. Какъ воздухъ прозрачный, рѣетъ надъ землею, весь преданъ небу, и небо

для него — таинственный знакъ. И устремился взоромъ въ просторъ глубокій, ища въ немъ тайну Маріанны. И увидѣлъ, какъ эта тайна еще скрывалась въ облакахъ, окутавшихъ туманомъ земную даль. И подумалъ грустно:

— Еще не пришелъ часъ. Еще съ людьми Маріанна. Вотъ они идутъ къ ней. А мнѣ — бѣжать на край земли! Тамъ увижу небо чистое, откроется мнѣ тайна!

И покинулъ храмъ, ступени его, и вышелъ къ кладбищу. Долго бродилъ по тропинкамъ, занесеннымъ снѣгомъ. Улыбался молча снѣжной бѣлизнѣ, улыбался туману холодному. Все ждалъ и ждалъ. Но силы покинули его, и въ забытьи поникъ устало у подножія намогильнаго креста.

Въ глубокомъ снѣ услышалъ Іоаннъ свѣтлые голоса: пѣніе ангеловъ въ лазурномъ небѣ, несущихъ Маріанну къ престолу Бога. Мгновенно встрепенулся, открылъ глаза — и крикнулъ отъ изумленія.

Онъ увидѣлъ въ свѣтлой дали высоко взнесенный бѣлый гробъ. Звенѣлъ хрустальный воздухъ торжественной печалью и неслись къ небу тысячи голосовъ. Все ближе и ближе похоронное шествіе, все яснѣе, глубже красота его! Окрыленное видѣніемъ, уже бьется сердце Іоанна безумною надеждою. И будто не въ толпу вбѣжалъ бурно волновавшуюся, смятенную, а сама земля всколыхнулась подъ ногами его отъ жгучей радости. Вздрогнула земля въ предчувствіи чуда, поетъ небо славословіе почившей! И простеръ руки навстрѣчу Маріаннѣ — тайнѣ души ея, несомой въ гробѣ. Какъ никогда раньше, могуче

вѣрилъ: нѣтъ для Маріанны смертнаго сумрака! Не могилѣ темной отдадутъ гробъ, а волнамъ свѣта полуденнаго! Нынѣ, въ день похоронный раскроется тайна — свершится рожденіе Маріанны изъ Духа - Истины, Духа - Солнца!

Вдругъ смолкло все. У открытой могилы бережно на землю опустили гробъ. И померкъ въ глазахъ Іоанна зарождавшійся свѣтъ — померкъ разумъ, и въ нѣмой тишинѣ возникъ лютый холодъ — въ немъ перестало биться сердце. И то, что томительно длилось на землѣ — послѣднее прощаніе—было для Іоанна смертнымъ ужасомъ исчезновенія. Близился мигъ слѣпоты!

Но вотъ услышалъ, будто изъ глубокой дали, какъ голоса ангельскіе запѣли вновь. И увидѣлъ кругомъ народъ съ тихимъ рыданіемъ склонившійся. Подошелъ къ могилѣ, пронзительно взглянулъ вглубь ея — и отшатнулся. И вскинулъ къ небу искаженное лицо. Былъ дерзостнымъ взглядъ палящихъ глазъ, былъ хищенъ ихъ темнѣющій кругъ. Казалось, уже настигла Іоанна смерть и окаменѣлъ онъ. Но вдругъ глухо, едва слышно крикнулъ:

— Солнце! Солнце!

И въ тотъ мигъ, когда упали въ тишину, какъ капли драгоцѣнныя, его слова — въ высокомъ небѣ загорѣлось солнце. Открылись облака жемчужныя и яркій лучъ упалъ щедро на землю.

Какъ изваянный стоитъ Іоаннъ, ослѣпленный потокомъ свѣта. Горитъ лицо его восхищеніемъ, блаженной радостью сіяютъ глаза и ликуетъ въ сердцѣ любовь.

Открылось небо, и солнце золотою ризою покрыло землю. Съ безмѣрной высоты до краевъ земли сіяющими ступенями ниспадалъ горящій лучъ, и вся въ пурпурѣ, вся изъ огня нисходитъ Маріанна, и ликъ ея — ликъ ангела въ нимбѣ свѣта, и рука ея благословляетъ нѣжно Іоанна.

Близился поздній вечеръ. Сумракъ овѣялъ землю, и тишина соединилась съ вѣчнымъ сномъ могилъ. Пустынно было кладбище, гдѣ лежала Маріанна, и въ нѣмомъ покоѣ высился ея могильный холмъ. Уже не слышно голосовъ и рыданій. Лишь одинъ Іоаннъ склонился у могилы въ тихомъ очарованіи. Не видитъ вечера и темноты — жадно смотритъ въ незакатный день. Въ огнѣ памяти изсѣчена прекрасная, воскреснувшая Маріанна! Возвратилъ міру возлюбленную, отнынѣ неразлучимъ съ нею, и безконечна радость его свѣтлаго сердца!

ПОСЛѢДНІЙ ПУТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОѢЗДКѢ ВЪ 1909-10 году.

„Воспоминанія“ впервые напечатаны
въ „Сборникѣ памяти В. Ф. Коммиссаржевской“.

Петербургъ, 8—29 августа 1909 г.

Актеры уже съѣхались. Въ день первой репетиціи, въ верхнемъ фойе «Драматическаго театра» всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ Вѣру Федоровну.

Она входитъ въ залъ привѣтливая, радостная, веселая. На ней лѣтній голубой костюмъ и черная шляпа со страусовыми перьями. Изящна какъ парижанка. Говоритъ, улыбаясь, что прекрасно отдыхала лѣтомъ за границей и чувствуетъ себя теперь очень бодрой и сильной. Ея лицо дышитъ молодостью, ярко, свѣтло горятъ глаза, стремительны движенія и жестъ. Въ кругу своей маленькой труппы она влечетъ къ себѣ простотой обращенія, сразу беря аккордъ довѣрчиво-дружественныхъ отношеній. Въ ней изумительный даръ вѣчно-женственнаго, и онъ покоряетъ не менѣе, чѣмъ Ибсеновская Нора.

Вѣра Федоровна со всѣми оживленно бесѣдуетъ. Но пора и за работу. И быстро настроеніе веселости смѣняется упорной дѣловитостью.

Въ рукахъ у нея портфель съ бумагами. Она «антрепренеръ» своей поѣздки, и отдаетъ приказанія уполномоченному. Потомъ призываетъ секретаря, диктуетъ телеграммы, распредѣляетъ съ

режиссеромъ роли въ старомъ репертуарѣ, составляетъ его списокъ. Заботамъ нѣтъ конца, и можно только удивляться, откуда у Вѣры Федоровны столько энергіи силъ! Она вѣрна своей привычкѣ— увлечься дѣломъ, совершенно забывъ себя въ пылу работы и нервнаго напряженія.

Дѣловые переговоры ведутся тихо, интимно, не нарушая оживленія среди актеровъ. А они, наблюдая за Вѣрой Федоровной, радуются: давно ли миновалъ тяжелый сезонъ и дни поѣздки по городамъ Сибири, какъ она уже успѣла вернуть себѣ здоровье, и отъ былой усталости и утомленія не осталось и слѣда! Теперь смѣло можно надѣяться, что въ предстоящую поѣздку она выдержитъ восемь мѣсяцевъ почти безпрерывной работы.

Раздаются всѣмъ роли въ трагедіи Геббеля «Юдиѳь», и этимъ кончается первый день «репетиціи», перенесенной на завтра.

Ежедневно утромъ и вечеромъ идутъ репетиціи. Сцены нѣтъ, и репетируютъ въ фойе. «Юдиѳь» и «Мирандолина» — двѣ новыя роли Вѣры Федоровны. Она увлечена ими и работаетъ не только въ театрѣ, но и дома. У нея старая привычка — изучать роль по ночамъ, когда смолкнетъ совсѣмъ шумъ дня и ей уже никто не мѣшаетъ. Въ ночной тишинѣ она вся поглощена художественнымъ замысломъ, прислушиваясь чутко къ таинственному ритму души.

Иногда она приглашаетъ кого-либо изъ акте-

ровъ для вечерней совмѣстной работы. Теперь она позвала игравшаго главную роль Олоферна, М. С. Нарокова, который ни разу не видѣлъ Вѣру Федоровну на сценѣ. На другой день онъ говорилъ товарищамъ, что никогда еще не испытывалъ большаго наслажденія отъ игры артиста. Впечатлѣніе увеличивалось, такъ какъ онъ наблюдалъ Вѣру Федоровну безъ всякихъ сценическихъ аттрибутовъ.

Но на общихъ репетиціяхъ въ театрѣ Вѣра Федоровна изучаетъ свои роли совершенно иначе. Она какъ будто стережетъ себя на каждомъ словѣ, провѣряетъ интонаціи, читаетъ роль, затаивъ пламя души. Ея чтеніе тихое, почти шепотъ, въ немъ больше напряженнаго вниманія и слуха, чѣмъ бурнаго, страстнаго порыва. Его она дастъ, овладѣвъ ролью вполнѣ. И не только къ себѣ безконечно внимательна и пытлива Вѣра Федоровна, когда репетируетъ: она слѣдитъ одновременно за всѣми участвующими, вслушиваясь, найденъ ли общій тонъ исполненія. И эта работа, можетъ быть, для нея гораздо сложнѣе, чѣмъ личное творчество. Въ своемъ стремленіи выполнить замыселъ автора, найти гармонію тоновъ и красокъ его пьесы, Вѣра Федоровна настолько чувствительна, что въ каждую минуту готова дать всѣмъ самыя нужныя указанія и притти на помощь наравнѣ съ режиссеромъ. Поэтому такъ быстро утомляется она отъ репетицій, и такъ вынослива, когда играетъ на сценѣ. Партнеры же ея — наоборотъ.

Свои впечатлѣнія и замѣчанія артистамъ Вѣра

Федоровна высказываетъ съ такой чрезвычайной деликатностью и мягкостью, что даже самое большое самолюбіе перенесетъ ихъ спокойно. И кромѣ того, всегда говоритъ по личному мнѣнію, дѣлая указанія не какъ режиссеръ, а только какъ внимательный соучастникъ въ работѣ и болѣе опытный художникъ. Иногда артисты съ ней горячо спорятъ, и къ ихъ объясненіямъ она относится безпристрастно, искренно цѣня свободу мнѣній и замысла.

Въ этихъ простыхъ товарищескихъ собесѣдованіяхъ на репетиціяхъ, когда всѣ еще только намѣчаютъ общій планъ исполненія, Вѣра Федоровна съ изумительной щедростью раскрываетъ богатство своей творческой фантазіи. Ей необходимо только одно: чтобы тотъ, съ кѣмъ говоритъ, почувствовалъ ее, проникся глубиной ея души, и достигнувъ своей цѣли — съ нескрываемой радостью стремится помочь каждому безъ конца. И все это дѣлаетъ Вѣра Федоровна такъ скромно, такъ незамѣтно, что получалось впечатлѣніе отъ словъ ея такое, будто они были самыми простыми и самыми необходимыми «практическими совѣтами». Но это лишь казалось. Въ сущности же, Вѣра Федоровна и говорила, и указывала, и достигала результатовъ только потому, что отъ природы была прекраснымъ художникомъ-педагогомъ. Съ необыкновенной ясностью она умѣла опредѣлить индивидуальность своихъ артистовъ, замѣчала быстро ихъ достоинства и недостатки, понимала въ совершенствѣ методъ работы каждаго, школу и привычки. Это были достоинства

ея какъ психолога, и Вѣра Федоровна, конечно, знала ихъ въ себѣ и цѣнила, скрывая до поры до времени отъ любопытныхъ глазъ, пока не рѣшилась открыть свою школу...

Репетиція кончается. Вечеромъ другая. Въ перерывъ актеры спѣшатъ отдохнуть, и быстро уходятъ изъ театра. Но Вѣру Федоровну уже ждутъ: тутъ и уполномоченный, и режиссеры, и секретарь, костюмеръ, разсыльный. Груда дѣлъ, вопросовъ, новостей! Предварительная работа по организаціи поѣздки огромна: необходимо заключать контракты съ нѣкоторыми провинціальными театрами, составить окончательный маршрутъ и всяческія хозяйственныя смѣты. — Это докладываетъ уполномоченный. Режиссеры показываютъ эскизы художника Колмакова къ «Юдиѳи», и Вѣра Федоровна въ восхищеніи, не думая о томъ, что это будетъ стоить. Достаточно того, что тутъ же она бесѣдуетъ и съ костюмеромъ, вкусу котораго довѣряетъ. Едва увлеклась Вѣра Федоровна планомъ новой постановки, какъ помощникъ режиссера безжалостно закидываетъ ее цѣлой пригоршней самыхъ обыденныхъ, мелочныхъ вопросовъ. Она отвѣчаетъ съ живостью, начиная почти каждую фразу словами: «надо сдѣлать»... Наконецъ, очередь доходитъ и до секретаря.

— Напишите... телеграфируйте... отвѣтьте... скажите...

И опять «надо сдѣлать». И такъ безъ конца. Часъ—минута! Нервы возбуждены, вниманіе раскалено, но весело горятъ прекрасные глаза. И если сказать Вѣрѣ Федоровнѣ, что она уже уто-

милась, что пора все это кончить,—она не повѣритъ, засмѣется, и взглянетъ такъ, что тотъ, кто «осмѣлился» сдѣлать это благоразумное замѣчаніе, стыдливо замолчитъ... А Вѣра Федоровна еще долго бесѣдуетъ съ режиссеромъ — братомъ, и съ милымъ Зоновымъ, и съ аккуратнѣйшимъ «Эрнестомъ». Даетъ совѣты, указанія, сама совѣтуется и ищетъ помощи, чтобы разобраться во всѣхъ деталяхъ.

Наконецъ, ѣдетъ домой. И слышитъ вдогонку звонкій голосъ:

— Вѣра Федоровна! Въ семь часовъ репетиція «Хозяйки гостиницы».

— Помню, приду.

Дома читаетъ полученную корреспонденцію. Тутъ и переписка съ немногими друзьями, и «неизвѣстные, начинающіе» драматурги съ предложеніемъ сыграть главную роль въ пьесѣ, которую они уже выслали, и много просьбъ о помощи. Кое-что надо передать секретарю... Беретъ роль. На вотъ, поданъ обѣдъ. Она «притронулась».

И ровно въ семь часовъ, безъ малѣйшаго запозданія, она уже въ театрѣ.

Съ очаровательнымъ лукавствомъ и граціей намѣчаетъ легкій контуръ своей «Мирандолины».

Дня за два до отъѣзда на гастроли, Вѣра Федоровна, по просьбѣ одного изъ сослуживцевъ, согласилась сыграть со своей труппой «Родину» въ большомъ лѣтнемъ театрѣ въ Озеркахъ. Это былъ прощальный спектакль передъ петербург-

ской публикой, и для нея—послѣдній: уже больше никогда не услышитъ она пламенной Магды! И будто судьбѣ угодно было, чтобы въ этотъ вечеръ Вѣра Федоровна простилась съ Петербургомъ при тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ протекла почти вся ея художественная дѣятельность.

Лилъ дождь. Тоскливый сѣрый день прояснился лишь къ вечеру, но было сыро, и въ пригородный театръ петербуржцы не поѣхали. Пришли только дачники. Въ театрѣ—сумрачно, неуютно, холодно; въ партерѣ и ложахъ свободныя мѣста... Цвѣты... большой успѣхъ у зрителей. И только. Былъ спектакль—и кончился. Этого ли заслуживала Вѣра Федоровна, обрекая себя на смертный подвигъ, на жертву, которую она рѣшилась принести!

Но она осталась вѣрна себѣ, и въ послѣднюю минуту простилась съ петербуржцами жестомъ, полнымъ благородства.

Въ ея уборную вошелъ распорядитель и собственникъ спектакля передать ей гонораръ.

— А какой сборъ?

— Я не покрылъ расходовъ.

— Возьмите себѣ деньги. Сегодня я играю безплатно.

29 августа, къ вечеру труппа «Драматическаго театра» выѣхала въ Москву *). Вѣра Федоровна уѣхала отдѣльно, скорымъ поѣздомъ.

---

*) Составъ труппы: В. Ф. Коммиссаржевская, Н. И. Любавина, О. П. Нарбекова, В. М. Полевая, В. О. Тизенгаузенъ,

Если бы знать теперь, съ какимъ чувствомъ, съ какими мыслями она покинула любимую родину?!

Москва, 30 авг.—20 сентября.

Мягко горитъ электричество на широкой убраной сценѣ театра «Эрмитажъ». Царитъ тишина въ зрительномъ залѣ, гулко чеканя шаги... Уже въ день пріѣзда вечеромъ назначена репетиція, и актеры спѣшно собираются.

Вѣра Федоровна приходитъ на сцену спокойная, серьезная. Кажется, она не замѣчаетъ перемѣны обстановки, и этотъ вечеръ для нея — не начало поѣздки почти сверхсильной, а только все то же «служеніе искусству». Въ рукахъ у нея цвѣты, три астры — трогательный знакъ вниманія тремъ именинникамъ. Ихъ поздравляетъ; разспрашиваетъ всѣхъ, какъ удалось устроиться, нашли ли гостиницы и комнаты. Рада, что въ общемъ все обошлось благополучно. — И къ дѣлу...

Непрерывно утромъ и вечеромъ, вплоть до открытія гастролей, идутъ репетиціи. Подгото-

---

Э. Л. Шиловская; А. И. Аркадьевъ, А. Я. Закушнякъ, А. П. Зоновъ, А. А. Мгебровъ, М. С. Нароковъ, В. А. Подгорный, А. А. Ставрогинъ, А. Н. Феона. Режиссеры: Ѳ. Ѳ. Коммиссаржевскій, А. П. Зоновъ. Пом. режиссера Э. Э. Туригъ. Уполномоченный П. А. Рудинъ, его пом. Н. Д. Кистенева. Суфлеръ И. Г. Расторгуевъ. Парикмахеръ В. Н. Щишмановъ. Кромѣ того, въ поѣздкѣ были: miss Luisa Fogler и камеристка Вѣры Федоровны; костюмеръ, старшій рабочій и разсыльный.

вляютъ главнымъ образомъ «Юдиѳь», требующую сложной постановки, и Вѣра Федоровна занята почти на всѣхъ репетиціяхъ. Въ свободные же часы она «развлекается» «Мирандолиной»: «Хозяйку гостиницы» репетируетъ какъ бы между дѣломъ,—такъ интимное легче трагическаго... Но у нея едва хватаетъ времени: рѣшили поставить еще трагедію Грильпарцера «Праматерь», въ которой она будетъ играть роль Берты.— Три новыхъ роли! Добрая книга стиховъ и прозы! Трагическіе монологи Геббеля, классическій діалогъ Гольдони, романтическія грезы Грильпарцера—все это «претворяетъ» въ себѣ Вѣра Федоровна, все запоминаетъ исключительной по силѣ, прекрасной памятью, все неустанно стремится разукрасить тонкимъ рисункомъ своей фантазіи. И не видитъ, какъ проходитъ день, не знаетъ отдыха, не понимаетъ, какъ другіе—всѣ другія!—умѣютъ беречь свои силы...

Былъ вечеръ. Верхнее фойе театра едва освѣщено мерцаніемъ свѣчей.

Въ полумракѣ и тишинѣ Вѣра Федоровна—Юдиѳь—печальный, призрачный геній... Она говоритъ таинственно и страстно свое слово библейской женщины кровожадному титану Олоферну. Холодѣетъ сердце ея отъ ненависти къ нему—и дрожитъ тихій голосъ, едва уловимый, исчезающій во мракѣ... И вся пылаетъ бурей отмщенія. Неустрашимая, уже безстрастная, въ экстазѣ любви и смерти поднимаетъ она разящій

мечъ. Высоко заноситъ — и мгновенно опустила въ дикомъ изступленіи. Въ рукахъ ея истекающая кровью чудовищная голова... Пронзительно кричитъ служанка Мирца, но Юдиѳь, побѣдившая смерть, еще хочетъ, еще имѣетъ въ себѣ силу повѣдать женщинѣ, к а к ъ она отмстила Олоферну! — И рыдаетъ, отравленная ядомъ живой крови, въ смертельномъ ужасѣ и страхѣ...

Репетиція кончилась. Безмолвіе... Еще слышится въ тишинѣ голосъ проклятій... еще мерещится кровавый подвигъ... Вѣра Федоровна — блѣдная, безкровная, безсильная. Молча стоитъ, сама прислушиваясь къ живой тишинѣ...

Этотъ вечеръ навсегда будетъ памятенъ для тѣхъ, кто увидѣлъ Вѣру Федоровну — трагическую актрису.

8-го сентября открываются гастроли «Родиной». Сборъ полный, настроеніе торжественно-тревожное.

Еще задолго до начала спектакля Вѣра Федоровна уже въ театрѣ. Ко второму акту, въ роскошномъ бѣломъ платьѣ она выходитъ изъ уборной — и сразу за кулисами тишина... Почти ни съ кѣмъ не говоритъ. Занимаетъ мѣсто. Внимательно прислушивается къ сценѣ: оттуда каждая реплика заставляетъ ее трепетать... Минуты томительнаго ожиданія... Все ярче горятъ глаза, волненіе замѣтно по безпокойнымъ жестамъ. — Это Магда, вернувшаяся въ отчій домъ...

— Сейчасъ! — Идите!

И въ одно мгновенье неуловимымъ порывомъ души преображенная, стремительно выходитъ на сцену... Ея появленіе встрѣчается апплодисментами. Играетъ она Магду съ классической простотой и законченностью, какъ и всѣ роли своего «стараго» репертуара. Въ послѣднемъ актѣ — знаменитое объясненіе съ отцомъ. Страстно, бурно, свѣжо, до боли пламенно говоритъ она съ нимъ. Ея слова — чудесная молитва, ея голосъ — звонкій, нѣжный, пѣвучій — живая красота, проникающая въ душу... Громъ апплодисментовъ. Безконечные вызовы. Цвѣты... Съ доброй, усталой улыбкой Вѣра Федоровна выходитъ на сцену. А за кулисами нѣсколько разъ пьетъ глотками холодный черный кофе. — Это первая необходимость, неизмѣнная привычка, чтобы хоть немного успокоиться отъ только что пережитаго глубокаго волненія... И всегда этотъ кофе въ серебряномъ съ красной эмалью стаканчикѣ въ рукахъ ея камеристки...

На другой день утромъ, передъ «Норой» снова репетиція *). И такъ почти всѣ дни га-

*) Весь репертуаръ „Драматическаго театра“ В. Ф. Коммиссаржевской въ послѣднюю поѣздку по Россіи былъ слѣдующій Новыя пьесы: „Юдиѳь“ Геббеля, Вѣра Федоровна—Юдиѳь „Праматерь“ Грильпарцера,—Берта (шла только одинъ разъ въ Москвѣ); „Хозяйка гостиницы“ Гольдони,—Мирандолина; „Пиръ жизни“ Пшибышевскаго,—Ганка. Старый репертуаръ: „Нора“ Ибсена,—Нора; „У вратъ царства“ Гамсуна,—Эллина; „Сестра Беатриса“ Метерлинка,—Беатриса, „Флорентинская трагедія“ О. Уайльда; Зудерманъ: „Огни Ивановой ночи“ — Марикка, „Родина“ — Магда, „Бой бабочекъ“—Рози; Островскій: „Дикарка“—Варя, „Безприданница“—Лариса.

стролей здѣсь. Такая безпрерывная работа можетъ надорвать любой организмъ. Вѣра Федоровна вынослива какъ никто, но и ея силамъ есть предѣлъ. Поэтому, на первомъ представленіи «Юдиѳи» ея игра съ оттѣнкомъ усталости. Эту усталость она старалась превозмочь, но тщетно, и трагическій ликъ женщины-мстительницы не былъ такъ ярокъ, какъ на репетиціи.

Роль Берты Боротинъ въ «Праматери» въ день спектакля Вѣра Федоровна репетировала въ первый разъ! Какой чистый, глубокій родникъ ея лирическій талантъ! Сколько нѣжности, грусти, трепета любви въ ея сценахъ съ отцомъ! Какая красота въ сіяющихъ глазахъ дѣтскаго лица, обрамленнаго свѣтлыми кудрями! Сколько граціи въ каждомъ движеніи! Прекрасный цвѣтокъ — Берта—очаровывалъ ароматомъ своимъ немногихъ слушателей. И въ тотъ же вечеръ цвѣтокъ этотъ увядалъ, надломленный...

И только третью новую роль — Мирандолину — Вѣра Федоровна играетъ такъ же, какъ на репетиціяхъ: съ изумительною легкостью, изяществомъ, въ совершенствѣ владѣя діалогомъ. Словно лукавый, веселый бѣсъ жилъ въ ней и безгранично властвовалъ, смѣясь надъ всѣмъ.

Въ день именинъ Вѣра Федоровна играетъ «Юдиѳь». Настроеніе не столько торжественное, сколько мило-задушевное — и въ залѣ, и за кулисами. Отъ зрителей и почитателей она получаетъ много цвѣтовъ и въ театрѣ, и на своей квартирѣ. Въ свою очередь, она привезла именинницамъ-артисткамъ розы и конфекты. Въ

антрактѣ, за кулисами ея труппа подноситъ корзину цвѣтовъ. А. И. Аркадьевъ привѣтствуетъ дорогую Вѣру Федоровну, отъ души желая ей добраго здоровья, силъ и полнаго успѣха въ поѣздкѣ. Вѣра Федоровна улыбается, жметъ всѣмъ руку.

— Спасибо, спасибо, спасибо...

По окончаніи спектакля — овацiи.

Вѣра Федоровна неудержимо любитъ жить «новымъ». Она постоянно «въ исканіяхъ». Всѣ знаютъ, какъ тяжело порою приходилось ей расплачиваться и матеріально и духовно за эти «увлеченія», и все-таки она упорно идетъ своимъ путемъ. Она говоритъ:

— Можетъ быть, другіе и живутъ «по законамъ». Но я ихъ совершенно не признаю. Я не знаю этихъ законовъ — и свободна отъ всего...

Избравъ с в о й путь, Вѣра Федоровна не измѣняетъ ему, предпочтя всѣ лишенія «компромиссу», который въ любую минуту могъ спасти ее и вернуть ей былое благополучіе. Но такой удѣлъ маленькихъ, тщеславныхъ душъ противенъ ей, ибо въ душѣ этой женщины — сила неумолимаго Бранда. Она сама куетъ себѣ и кольцо счастья и цѣпь судьбы. Она подлинно творитъ собственную жизнь — и сколько въ ней красоты! Какъ день и ночь, постоянно чередуясь, печаль и радость въ ней; и тѣ, кто говоритъ, кто утверждаетъ, что душа этой женщины — ея прекрасные глаза! — безконечная печаль, страданіе, — оши-

баются, ибо они не видѣли ее безконечно радостной, озаренной счастьемъ.

Сценическій талантъ Вѣры Федоровны лишь подтверждалъ съ поразительной яркостью то, чѣмъ была она внѣ сцены, въ простотѣ жизни, въ повседневности. И какъ безкорыстна вся ея жизнь, такъ чистъ и источникъ ея творчества. Какъ жизнь ея отъ начала до конца самостоятельна, самодовлѣюща, оригинальна, такъ и источникъ ея творческихъ силъ былъ новъ. Даже изумительное искусство Ермоловой не помѣшало Вѣрѣ Федоровнѣ встать рядомъ съ ней, ни разновидный геній Савиной не могъ одолѣть ее въ борьбѣ за пальму первенства. До Вѣры Федоровны было сказано: «сцена — моя жизнь», и это казалось истиной служенія искусству. Но Вѣра Федоровна разрушила «истину»: «моя жизнь — искусство» — вотъ символъ всей ея творческой дѣятельности. И какъ великъ онъ въ сравненіи съ афоризмомъ Савиной!

Вѣра Федоровна служитъ не сценѣ, а искусству. Вотъ чѣмъ она отличается отъ всѣхъ, и почему она новая актриса въ Россіи. Она отвергла житейскую мудрость искусства сцены, цѣль его, отвергла форму его и содержаніе — и первая, раньше всѣхъ и глубже всѣхъ раскрыла философскій смыслъ этого искусства, — единственно цѣнное, сущее его предназначеніе. Поэтому цѣль ея — только искусство символическое. Въ послѣдніе годы она неустанно ищетъ новыхъ путей къ нему, приноситъ все въ жертву, чтобы быть «у вратъ царства» своей мечты. Но, несмотря

на величайшее напряженіе таланта, ума и воли, несмотря на самые крайніе эксперименты, на которые покорно обрекала себя Вѣра Федоровна по волѣ тѣхъ, кто пытался открыть предъ ней новое небо и землю, — побѣда «новаго искусства» не была достигнута. — Можетъ быть, только потому, что въ этой отчаянной борьбѣ Вѣра Федоровна была, въ сущности, совершенно одинока.

И что же? Разочаровалась ли Вѣра Федоровна въ самой себѣ, въ своей работѣ, въ своемъ революціонномъ замыслѣ? — Нѣтъ. Она съ внутренней гордостью говоритъ:

— Я не раскаиваюсь въ томъ, что у меня былъ свой театръ. Онъ намѣтилъ пути. Цѣль еще впереди, но уже есть достиженія. Вотъ три пьесы, ради которыхъ я оправдываю все, что мною сдѣлано: «Балаганчикъ», «Сестра Беатриса», «Жизнь человѣка». Эти три пьесы — все, что сдѣлалъ мой театръ.

Но думаетъ ли Вѣра Федоровна, уѣзжая въ эту поѣздку, продолжать свой театръ въ Петербургѣ на будущій годъ? Вотъ надъ чѣмъ задумались бы очень многіе, убѣжденные въ томъ, что театръ, конечно, будетъ, если бы узнали, что теперь она уже стала интересоваться вопросами художественной школы.

Вѣра Федоровна постоянно «въ исканіяхъ». Какъ вода и хлѣбъ, ей нужны новые люди, все для тѣхъ же цѣлей — достичь «обѣтованной земли», увидѣть небо... — И въ Москвѣ она бесѣдуетъ съ А. Бѣлымъ, скрывъ ото всѣхъ до поры до времени тему разговора...

Актеры въ бодромъ настроеніи. А Вѣра Федоровна мучительно переживаетъ вновь смыслъ и значеніе того, что ею сдѣлано за эти годы.

Почти всѣ московскіе рецензенты восхваляютъ Вѣру Федоровну почти во всѣхъ пьесахъ. Много диффирамбовъ и только изрѣдка уколъ. — Все, какъ полагается газетѣ дѣлать при встрѣчѣ съ знаменитостью, включительно до интервью. Но почти всѣ московскіе рецензенты, не жалѣя краснорѣчія, не хвалятъ почти всѣхъ, если не всѣхъ, актеровъ изъ труппы Вѣры Федоровны. Какъ ни читай — все плохо, за исключеніемъ, пожалуй, исполненія комедіи Гольдони.

Впечатлительные актеры удручены. Встрѣчаютъ Вѣру Федоровну, цитируютъ отрывки. Она взволнована.

— Неужели мы такъ плохо играемъ, что насъ только ругаютъ?

Что это значитъ? Думаетъ ли Вѣра Федоровна, что рецензенты ошибаются, или просто она любитъ и цѣнитъ своихъ сотрудниковъ?

20 сентября москвичи въ послѣдній разъ увидѣли Вѣру Федоровну. Совершенно полный зрительный залъ. Она играетъ Марикку въ «Огняхъ Ивановой ночи». Успѣхъ безумный. Прощаются съ артисткой горячо, сердечно.

На другой день, въ солнечное привѣтливое утро всѣ уѣзжаютъ въ Ригу.

Вѣра Федоровна сыграла здѣсь одиннадцать спектаклей. Сборы превзошли ожиданія. Полное

матеріальное благополучіе—до дня отъѣзда, когда почти всѣ деньги ушли на покрытіе расходовъ за новыя постановки, статистамъ, оркестру, на расплаты по безконечному количеству счетовъ.

Рига, 22—26 сентября.

Городъ русскихъ нѣмцевъ. Всюду опрятно, чисто. Гостиницы содержатся по заграничному. Удобствамъ внѣшнимъ благопріятствуетъ прекрасная погода. Роскошные парки, зелень; старинныя узкія улицы, кое-гдѣ готическіе памятники... Невольно становишься туристомъ, и въ свободные часы вся труппа осматриваетъ Ригу или отдыхаетъ на прогулкахъ въ садахъ и загородной рощѣ. Вѣра Федоровна тоже стремится, урвавъ свободную минуту, вздохнуть отъ безпрерывной работы въ Москвѣ. Но это ей трудно удается, такъ какъ дневныя репетиціи все еще не прекратились. — По возможности заканчиваютъ ихъ быстро и вчернѣ.

Она играетъ въ театрѣ здѣшняго Ремесленнаго Общества. Всѣ пять спектаклей залъ, конечно, переполненъ. Стоятъ въ проходахъ, духота и давка... Особенными симпатіями пользуется Зудерманъ: отъ Рози и Марикки нѣмцы въ восторгѣ! Пресса и русская, и нѣмецкая привѣтствуетъ пріѣздъ знаменитой артистки, разсыпаясь въ похвалахъ. На этотъ разъ и труппа не забыта.

Интересно представленіе «Сестры Беатрисы».

Театръ привезъ декораціи, костюмы — и только. Ни органа, ни хора, конечно, съ собой не захватили. Все это нужно «сдѣлать» на мѣстѣ: хоръ собрать, а органъ замѣнить скромной фисгармоніей. Музыкальная часть исполненія поручается ученику І. В. Тартакова, артисту А. Н. Феона. Онъ и хормейстеръ, а во время спектакля, когда поютъ «Ave Maria», и дирижеръ. На помощь хору идутъ всѣ свободные актеры: одному дается гонгъ, другому католическіе церковные колокольчики, третій долженъ пѣть...

Идетъ спектакль. Во второмъ дѣйствіи, когда совершается чудо и монахини-сестры видятъ Беатрису преображенною, раздается торжественное пѣніе. Потому ли, что твореніе Метерлинка, каждое слово этого «чуда» — божественная музыка, потому ли, что Вѣра Федоровна вдохновенно играетъ и вся роль у нея звучитъ ангельской симфоніей, — но хоръ поетъ какъ въ экстазѣ, захваченный красотой происходящаго, свѣтлой волной всеобщаго изумленія, и даетъ аккомпаниментъ скромный по силѣ, но выразительный и гармоничный.

По окончаніи дѣйствія актеры удивляются, что «такъ хорошо все вышло». Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что это представленіе «Сестры Беатрисы» было лучшимъ во всей поѣздкѣ. (Играли ее очень рѣдко, всего пять разъ).

Городъ, захваченный «по дорогѣ». Поселились почти всѣ въ Grand Hôtel'ѣ, вмѣстѣ съ Вѣрой Федоровной. Въ этомъ же зданіи помѣщается и «залъ Городского Дома», гдѣ она дастъ три спектакля. Вблизи, въ нѣсколькихъ шагахъ — городской театръ, въ которомъ лѣтъ 15 назадъ Вѣра Федоровна играла съ огромнымъ успѣхомъ въ труппѣ К. Н. Незлобина *). Тогда она была только начинающая ingénue, теперь же она — единственная! Виленскіе жители помнятъ ее и очень любятъ. «она наша»...

Вновь прогулки по городу, на берегъ Вилейки: Видѣли памятникъ Муравьеву, любовались въ католическомъ соборѣ картиной Тиціана, осмотрѣли за городомъ католическій монастырь и храмъ, гдѣ въ нишѣ — плачущій Христосъ, прекрасная фигура изъ дерева... Вѣра Федоровна любознательна, какъ и всѣ. Посмотритъ что-нибудь днемъ, съѣздитъ куда-нибудь, и вечеромъ въ театрѣ уже увлекаетъ другихъ:

— Непремѣнно посмотрите! Это необходимо видѣть!

И прихворнула. Къ счастью, простуда оказалась легкой, и на другой день она уже играла отмѣненный наканунѣ спектакль.

Еще въ Москвѣ Вѣра Федоровна пріобрѣла въ собственность для постановки новую пьесу Ст. Пшибышевскаго «Пиръ жизни». Сперва о ней очень много говорили въ труппѣ, но потомъ,

*) Сезонъ 1894—95 и 1895—96 г.г.

когда прочли, почти всѣ отнеслись къ ней отрицательно, и страстно обрушились на драматурга. Въ защиту выступила Вѣра Федоровна и режиссеръ А. П. Зоновъ. При раздачѣ ролей первую рѣчь, въ случайномъ отсутствіи Вѣры Федоровны, сказалъ режиссеръ. Но «волненія» не утихли. Еще больше разгорѣлись страсти: возникъ острый литературный споръ.

Здѣсь, въ Вильно, Вѣра Федоровна пригласила труппу къ себѣ въ номеръ для собесѣдованія.

Конечно, она прекрасно знаетъ, что между ею и ея сотрудниками никакого конфликта быть не можетъ, но она всегда чутко прислушивается къ ихъ настроеніямъ—и первая идетъ навстрѣчу, чтобы выяснить вопросъ о Пшибышевскомъ и «Пирѣ жизни».

Съ большимъ увлеченіемъ, замѣтно волнуясь, говоритъ она о пьесѣ. Даетъ быстро, въ импровизаціи, оригинальную и краткую характеристику всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Объясняетъ психологическіе моменты драмы; подчеркиваетъ, что то, чего нѣтъ у Пшибышевскаго, на что «не хватило» его въ этомъ произведеніи, — актеры — «мы сами» — должны восполнить своей игрой и фантазіей. Стремительно рисуетъ картину будущей работы:

— Мы не должны относиться къ пьесѣ предвзято. Будемъ судить о ней окончательно лишь послѣ того, какъ отдадимъ всѣ свои силы, чтобы ее почувствовать... схватить душою, обнаженнымъ сердцемъ. Меньше разсудка — и какъ

можно больше внутреннихъ порывовъ, огня, увлеченія!... Я предлагаю работать на этотъ разъ безъ всякаго установленнаго метода. Пусть на репетиціи приходятъ «безъ тона», лишь бы у всѣхъ было страстное стремленіе слиться съ изображаемымъ образомъ. Сдѣлаемъ рядъ опытовъ, психологическихъ задачъ. Будемъ ошибаться, можетъ быть, все это будетъ иногда смѣшно, но мы должны искать, искать! И я убѣждена, что мы сыграемъ пьесу! Мы сумѣемъ найти нужнаго намъ Пшибышевскаго!... Теперь хочу знать ваше мнѣніе. Что вы скажете?

Артистъ М. С. Нароковъ, привѣтствуя планъ работы Вѣры Федоровны, пространно изложилъ «точку зрѣнія большинства». Завязался литературный споръ... Въ общемъ, на этотъ разъ актеры откликнулись Вѣрѣ Федоровнѣ довольно вяло,— можетъ быть, потому, что слишкомъ сильно было «предубѣжденіе» противъ Пшибышевскаго. И она смотрѣла съ тайной укоризной на свою «братію»...

Здѣсь Вѣра Федоровна трогательно простилась — увы, навсегда! — съ Евгеніей Адольфовной Леманъ, своей бывшей воспитательницей и вѣчнымъ другомъ.

Варшава, 3—9 октября.

Одна изъ столицъ Европы... Широкая улица Краковскаго предмѣстья залита солнцемъ. Дви-

женіе и шумъ... Элегантная толпа, вѣнскія кафе, красивыя витрины... Первоклассные отели... Въ одномъ изъ нихъ, «Бристолѣ», остановилась Вѣра Федоровна. Днемъ она почти свободна — репертуаръ поѣздки уже весь сыгранъ, за исключеніемъ пьесы Пшибышевскаго. Ее она предполагаетъ играть въ Кіевѣ, и снова назначаетъ репетиціи. Два-три раза актеры приходятъ по утрамъ въ Большой казенный театръ, гдѣ идутъ гастроли, и вмѣстѣ съ Вѣрой Федоровной, подъ ея непосредственнымъ руководствомъ пока только «изучаютъ» новую пьесу. Но что-то мѣшаетъ всѣмъ увлечься работой. Это — кипучая, яркая жизнь Варшавы, которую многіе видятъ впервые. Живымъ характеромъ своимъ откликается и Вѣра Федоровна на настроеніе труппы, — и пьеса на нѣсколько дней забыта.

Всѣ свободны! Начинается туризмъ... Вѣра Федоровна ѣдетъ въ Ласенки, гуляетъ въ паркѣ, осматриваетъ дворцы — памятники XVIII в. Она въ восторгѣ отъ прогулки и своими разсказами манитъ остальныхъ. Актеры въ долгу не остаются, и вечеромъ, во время спектакля, по уборнымъ и за кулисами непрерывно идутъ бесѣды о впечатлѣніяхъ дня. Всѣ очень веселы, неутомимы, довольны...

Заполнить весь Большой театръ не удается,— сезонъ въ разгарѣ. Но сборы въ общемъ такъ хороши, что вмѣсто шести объявленныхъ спектаклей Вѣра Федоровна играетъ семь. Въ репертуарѣ Гольдони, Геббель, Ибсенъ, Гамсунъ, Зудерманъ, Островскій. Послѣдній спектакль —

«Безприданница» — полный сборъ, овацiи, цвѣты, и отъ директора Варшавскихъ правительственныхъ театровъ, г. Малышева, вѣнокъ съ трогательною надписью. За нѣсколько дней пребыванiя въ казенныхъ стѣнахъ, Вѣра Федоровна снискала среди тамошнихъ заправилъ большой почетъ и уваженiе. Всѣ удивлялись простотѣ ея обращенiя и той милой задушевности, которая такъ къ ней располагала. И всѣ очень искренно сожалѣли о ея быстромъ отъѣздѣ, приглашая «погостить подольше».

«Варшавскiй Дневникъ» неизмѣнно хвалитъ. Но центръ вниманiя — польскiя газеты. Одна изъ нихъ — «Slowo» — посвящаетъ Вѣрѣ Федоровнѣ и ея театру фельетонъ. Въ немъ рѣзко характеризуется направленiе казенныхъ театровъ, цѣль существованiя которыхъ — руссификацiя края съ помощью опредѣленно составленнаго репертуара. Какъ яркiй контрастъ, авторъ горячо привѣтствуетъ Вѣру Федоровну — это воплощенiе красоты, свободы и правды на сценѣ. Далѣе авторъ указываетъ на цѣнныя заслуги Вѣры Федоровны въ исторiи современнаго театра: кромѣ новаго направленiя въ немъ, она первая создала въ Россiи имя польскаго драматурга Пшибышевскаго. И вотъ вѣнокъ ея плодотворной, смѣлой работы — не матерiальная, а большая нравственная побѣда: здѣсь, въ Варшавѣ, ея спектакли посѣщаютъ не только русская интеллигенцiя, но и всѣ поляки.

Этотъ фельетонъ, прекрасно написанный, вызвалъ даже маленькую полемику въ газетахъ.

Одинъ же изъ чиновниковъ театра, патріотъ-полякъ, считалъ его настоящимъ событіемъ. Въ антрактахъ онъ бѣгалъ по сценѣ съ газетой и спѣшилъ всѣмъ разсказать ея содержаніе. Оживленно бесѣдовалъ съ Вѣрой Федоровной. Она внимательно слушала его. И печально улыбалась.

Лодзь, 10—13 октября.

Послѣ великолѣпія Варшавы попали сразу въ грязный, прокопченый фабричный городъ. Все сумрачно, громоздко, тѣсно. Чувствуется атмосфера тяжелаго, грознаго труда. Живутъ бѣдно. Еврейскіе кварталы содержатся отвратительно. Въ гостиницахъ сыро, до крайности неопрятно, пріѣзжихъ эксплуатируютъ во-всю.

Вѣра Федоровна и съ ней случайно нѣсколько актеровъ поселились въ самомъ центрѣ, въ лучшей гостиницѣ Мантейфеля. Къ обѣду туда приходятъ всѣ остальные, устроившіеся очень скверно. Настроеніе упало. Ропщутъ.

«Большой» театръ—деревянное зданіе, грязное насквозь. Никакихъ сценическихъ удобствъ. Всѣ уборныя—одна большая комната съ перегородками. Оконъ нѣтъ. Какъ въ подвалѣ. Сыро, душно, темно, едва терпимо. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакого желанія играть. Будто погружаешься, входя въ театръ, въ какое-то мерзкое болото.

Работа въ такой атмосферѣ какъ тяжелый сонъ. А для Вѣры Федоровны — подвигъ. Но она ста-

рается быть ко всему равнодушной, спокойной. Будто ничего не замѣчаетъ. — Терпѣніе, безконечное терпѣніе! И если отвращеніе и ужасъ сковываютъ душу — лучше молчать, чтобы никто не зналъ. Безмолвно приносится жертва. Она безцѣнна, ибо въ жертву приносится прекрасная жизнь!...

Спектакли, какъ тяжелый сонъ. Обрывается интересъ актера къ зрителю. Все становится безразличнымъ, сливаясь въ сѣрое пятно. Только такіе выносливые люди, какъ актеры, способны въ концѣ-концовъ примириться съ какими угодно условіями своего труда. И даже находятъ постоянно что̀ вспомнить съ благодарностью.

На этотъ разъ вспоминаютъ «Юдиѳь». Ее играли съ солдатами-статистами. Актеры взяли на себя всѣ ихъ слова, оставивъ имъ только позы, движенія и жестъ. И они «играли» прекрасно. Лучше статистовъ со словами. Воистину воины осажденнаго города Ветилуи! Актеры на сценѣ изворачивались, чтобы не быть схваченными въ желѣзныя объятія...

Успѣхъ у публики, конечно, былъ. Но полныхъ сборовъ гастроли не дали: онѣ совпали съ открытіемъ спектаклей польской труппы. Тамъ говорили на болѣе понятномъ языкѣ для массы, зрители же Вѣры Федоровны — по преимуществу русская интеллигенція. И было досадно, что даже «Юдиѳь», библейская трагедія не оправдала ожиданій.

Скорѣе, скорѣе въ Кіевъ! На свѣжій воздухъ!

Кіевъ, 15—22 октября.

Здѣсь вновь у Вѣры Федоровны непрерывная, усиленная работа. Ежедневно въ театрѣ Бергонье или въ гостиницѣ «Континенталь», гдѣ живетъ она, репетируютъ «Пиръ жизни», уже объявленный въ репертуарѣ однимъ изъ послѣднихъ спектаклей. Вѣра Федоровна даетъ указанія режиссеру, и вмѣстѣ съ нимъ ставитъ пьесу. Энергія ея неизсякаема: она проходитъ роли съ актерами, всячески помогаетъ имъ, ищетъ новыхъ пріемовъ, оригинальнаго. Но этого мало: она интересуется всѣми деталями сценической постановки, придумываетъ гримъ, костюмы, составляетъ планы mise-en-scène, ѣдетъ къ Цинделю выбирать матеріи для декорацій. Словомъ, заботится обо всемъ безъ конца, въ полномъ увлеченіи, — будто вечеромъ и нѣтъ у нея отвѣтственныхъ гастролей. Видимо, она непремѣнно хочетъ выступить передъ кіевлянами, которые ее такъ любятъ, въ новой роли. Но, несмотря на всѣ усилія, «Пиръ жизни» въ недѣлю приготовить не удалось и, къ огорченію Вѣры Федоровны, первое представленіе переносится въ Одессу.

Кіевляне оказали Вѣрѣ Федоровнѣ самый радушный пріемъ. Уже предварительная продажа билетовъ указывала на полные сборы, а въ дни спектаклей театръ Бергонье едва могъ вмѣстить всѣхъ зрителей. Особенный интересъ гастроли вызвали у молодежи, студенчества: по вечерамъ,

въ вестибюлѣ театра цѣлыя вереницы ихъ дожидались очереди, чтобы получить льготный билетъ. Былъ данъ добавочный, по пониженнымъ цѣнамъ спектакль-утренникъ.

Трудно опредѣлить, въ какой изъ сыгранныхъ здѣсь пьесъ Вѣра Федоровна имѣла наибольшій успѣхъ. Ея многогранный талантъ былъ постоянной темой для всеобщихъ восторговъ. Въ послѣдній разъ кіевляне увидѣли ее въ «Норѣ».

На утренникѣ Вѣра Федоровна впервые въ эту поѣздку играла «Дикарку». Бѣдовую «Варю» смотрѣли не только изъ зрительнаго зала, но и за кулисами—свои актеры. Плѣняла всѣхъ неувядаемая юность, сверкающій задоръ, наивность, смѣхъ! Яркость красокъ была поразительной! Актеры же учились техническому совершенству исполненія.

Вечеромъ за кулисами въ узкомъ коридорѣ не протолкаться. Въ антрактахъ непрерывно приходятъ къ Вѣрѣ Федоровнѣ любезные поклонники, друзья, къ артистамъ — множество знакомыхъ. Встрѣчи, восторги, комплименты, рукопожатія. Оживленіе, говоръ и шумъ.

Вѣра Федоровна едва успѣваетъ приготовиться къ слѣдующему акту, какъ уже въ ея уборную стучатся.

— Войдите!

Пришли съ приглашеніемъ на открытіе здѣшняго Художественно-артистическаго Общества. Вѣра Федоровна благодаритъ и «непремѣнно будетъ».

Въ другой разъ является депутація отъ труппы г. Дувана-Торцова. У нихъ въ театрѣ Соловцова постоянные интимные вечера во время сезона. Очень просятъ посѣтить и осчастливить. За ней пріѣдетъ карета тотчасъ же послѣ спектакля. Вѣра Федоровна благодаритъ.

— Я непремѣнно постараюсь пріѣхать, хотя и очень устаю послѣ игры.

Въ тотъ же вечеръ она узнаетъ, что депутація пригласила изъ всей труппы только ее одну.

— Конечно, я не поѣду. Въ театрѣ Соловцова должны быть всѣ наши или никого...

На открытіе Общества Вѣра Федоровна посылаетъ своего секретаря, извѣщая, что по причинѣ крайняго утомленія воспользоваться приглашеніемъ не можетъ... Днемъ въ гостиницѣ ея «нѣтъ дома», или она «на репетиціи въ театрѣ». Принять всѣхъ невозможно. Когда же она найдетъ хоть часъ для отдыха! Достаточно того, что аккуратно прочитывается вся корреспонденція и диктуются отвѣты.

Зато Вѣра Ѳ. найдетъ время, чтобы быть тамъ, гдѣ дѣйствительно быть необходимо. И хочетъ ѣхать въ Кирилловскую церковь, увидѣть вновь фресковую живопись геніальнаго Врубеля. Отъ него она въ давнемъ восторгѣ.

— Поѣзжайте туда! Смотрите его Богоматерь... — говоритъ она, и глаза ея сіяютъ. Она воистину его любитъ!

Врубель и Коммиссаржевская. Жизнь бросила имъ одинаковый жребій — погибнуть за глубочайшую любовь къ красотѣ. Любовь, которая

ослѣпила обоихъ! И кто могъ думать, что уже близится время, когда судьба соединитъ навѣки ихъ пламенныя души!

Одесса, 24 окт.—2 ноября.

Кіевъ, Одесса, Харьковъ — художественные центры юга. Здѣсь лучшіе театры, лучшія провинціальныя «силы». Гастроли въ этихъ городахъ отвѣтственны. Достаточно малѣйшей артистической неудачи, и отношеніе къ театру можетъ рѣзко измѣниться.

Играя «на виду у всѣхъ», вся труппа съ великимъ рвеніемъ относилась къ своему дѣлу. Вѣра Федоровна дисциплинировала своихъ сотрудниковъ: имъ важенъ былъ не личный успѣхъ, а общее впечатлѣніе отъ спектакля. Ея дѣловое спокойствіе невольно передавалось всѣмъ, и рѣзкое слово со стороны какого-либо «авторитета» не могло его нарушить. Безъ колебаній, безъ излишней нервности покорно шли за той, чье имя произносилось съ величайшимъ уваженіемъ, чья артистическая дѣятельность была недосягаемымъ образцомъ. Всѣ знали, вѣрнѣе, чувствовали, какую ношу взяла на себя въ эту поѣздку Вѣра Федоровна, и если иногда, въ силу крайней необходимости, она приносила въ жертву дѣлу свой талантъ, — прекрасно понимали причину этой необходимости. Всѣ видѣли ея огромный, непрерывный трудъ — и изумлялись: въ сравненіи съ нимъ работа остальныхъ была ничтожной.

Вѣра Федоровна пріѣхала сюда какъ разъ въ ту минуту, когда отдыхъ ей былъ совершенно необходимъ. Для нея было бы достаточно одного дня, чтобы утомленіе отъ предыдущихъ городовъ исчезло, но, къ несчастью, репертуаръ составленъ былъ такъ, что ей пришлось играть здѣсь подрядъ всѣ десять спектаклей. И она безропотно покорилась своей участи! Мало того, въ день перваго представленія «Юдиѳи» Вѣра Федоровна почувствовала себя скверно и слегла. Причину нездоровья она самымъ серіознымъ образомъ объясняла тѣмъ, что наканунѣ вечеромъ «съѣла нѣсколько устрицъ и только одинъ кусочекъ холодной утки»... Однако, докторъ опредѣлилъ болѣзнь иначе, найдя крайнее утомленіе и слабость всего организма. Ей былъ предписанъ полный покой и совѣтовали отмѣнить одинъ-два спектакля. Но кто могъ остановить Вѣру Федоровну, если она рѣшила играть во что бы то ни стало! И вотъ, днемъ исполняются предписанія врача, режимъ, а вечеромъ она требуетъ карету и ѣдетъ изъ Петербургской гостиницы въ театръ Сибирякова играть «Юдиѳь»! При такомъ положеніи вещей мѣры къ выздоровленію безсильны. А судьба безпощадна: тотъ же спектакль — «Юдиѳь»! — и завтра. Вновь Вѣра Федоровна, вернувшись изъ театра, ложится, къ утру засыпаетъ тяжелымъ сномъ, цѣлый день «лѣчится» — и вечеромъ ѣдетъ опять въ театръ! Какимъ-то чудомъ она на этотъ разъ не захворала серіозно и... не отмѣнила ни одного спектакля, играя безпрерывно всѣ десять вече-

ровъ! Едва же оправилась, вновь по утрамъ репетируетъ «Пиръ жизни» и назначаетъ генеральную репетицію.

Свою послѣднюю роль — Ганки — Вѣра Федоровна сыграла съ истиннымъ, глубокимъ трагизмомъ и чрезвычайно своеобразно по колориту. Героиня драмы Пшибышевскаго уходитъ отъ мужа съ любимымъ человѣкомъ. Въ порывѣ пробудившагося чувства материнства — чувства очень сложнаго — Ганка страстно, неудержимо стремится увидѣть своего покинутаго ребенка. Идетъ къ мужу, но онъ отвѣчаетъ ей неумолимымъ отказомъ. Ганкой овладѣваетъ безумное отчаяніе, и она лишаетъ себя жизни у «вѣчнаго источника» въ горахъ. Насколько проста фабула пьесы, настолько сложенъ діалогъ, и нужно большое артистическое мастерство, чтобы зритель не утомился «философіей».

Ганка Вѣры Федоровны — символъ материнской любви, символъ женщины, тоскующей о своемъ «второмъ» рожденіи. Безмѣрно глубока ея любовь къ Вацлаву, безмѣрна ненависть къ мужу Бѣльскому. Душа прекрасной женщины какъ цѣпью скована этими двумя предѣльными чувствами человѣческими — и отчаяніе въ Ганкѣ, трагедія, если вспомнитъ, что матерью зоветъ ее ребенокъ! Ганка Вѣры Федоровны — вся проникновенная, замкнувшаяся, живущая глухимъ, упорнымъ ожиданіемъ, ко всему болѣзненно чуткая. Тишина затаенная въ словахъ ея, напряженное, острое вниманіе къ другимъ. И только когда страданіе стало уже неодолимо, когда

пришли минуты изступленнаго ужаса — обнажилась вдругъ вся душа ея, схваченная ураганомъ смерти. — Такимъ былъ послѣдній сценическій «ликъ» Вѣры Федоровны. Ея пластика, внѣшность — столь же оригинальны, въ полной гармоніи съ ея настроеніями. Это была Mater dolorosa.

Постановка «Пира жизни» интересна еще и съ другой стороны: Вѣра Федоровна поразила всѣхъ какъ художникъ-режиссеръ. Вмѣстѣ съ А. П. Зоновымъ, изучая пьесу до деталей, она достигла того, что все исполненіе имѣло строго символическій характеръ. Своею игрою, ритмомъ души она приблизила къ себѣ всѣхъ актеровъ, и спектакль, дѣйствительно, вышелъ необыкновеннымъ. Нѣкоторые режиссеры-новаторы могли бы позавидовать, сколько фантазіи и вкуса обнаружила она во всемъ! И въ сравненіи съ ними она обладала рѣдкимъ, драгоцѣннымъ качествомъ: пластическими формами не стремилась приуменьшить психологіи пьесы, сохраняя въ чистотѣ и ясности образъ души каждаго исполнителя.

Переполненный зрительный залъ. Поднимается занавѣсъ. Въ замедленномъ темпѣ начинаютъ діалогъ. «Петербургская студія» сверкаетъ своеобразіемъ. Но зрителямъ больше приходится вслушиваться въ философію Пшибышевскаго... Актъ кончился. Въ залѣ мертвая тишина. Актеры не знаютъ, «захватило» или нѣтъ. Они въ недоумѣніи. Можетъ быть, въ недоумѣніи и публика... Второй актъ, третій. Впечатлѣніе одинаковое съ обѣихъ сторонъ. Лишь въ фойе зрители, стараясь «притти въ себя», горячо спорятъ о Пши-

бышевскомъ, Коммиссаржевской и другихъ. Но это возбужденіе не передается, не достигаетъ сцены, и послѣ антракта въ залъ снова входятъ всѣ въ молчаливомъ ожиданіи. Чуткая Вѣра Федоровна угадываетъ настроеніе зрителей: они ждутъ конца, развязки драмы. И вотъ—занавѣсъ послѣдняго акта... Быстро наступаетъ финалъ. Ганка неузнаваема: въ ней пламенная буря, неистовая сила, изступленіе, граничащее съ сумасшествіемъ! Она уходитъ къ вѣчному источнику, потерявъ надежду узнать себя матерью своего ребенка...

Пьеса кончилась. Апплодисмены, и зрители расходятся... Кто виноватъ, что пьеса въ общемъ успѣха не имѣла? И что подразумѣвать подъ словомъ «успѣхъ»? Обычное проявленіе восторговъ театру Вѣры Федоровны не нужно. Театръ хочетъ только одного: чтобы зритель увлекся его идеями, какъ и идеями автора. Если этого нѣтъ — кто виноватъ? Актеръ, авторъ, зритель? Вскорѣ театръ могъ убѣдиться, что виноватъ послѣдній...

Здѣсь двѣ большихъ газеты: «Одесскія Новости» и «Одесскій Листокъ». Ихъ отзывы о «Пирѣ жизни» разнорѣчивы: «Новостямъ» исполненіе и постановка нравится, а «Листокъ» пишетъ, что актеры ходили по сценѣ какъ привидѣнія. И вообще, о всѣхъ гастроляхъ: одна газета привѣтствуетъ Вѣру Федоровну, интервьюируетъ, говоритъ о неувядаемомъ талантѣ, мастерствѣ, въ восторгѣ отъ «Сестры Беатрисы», другая—бойко критикуетъ, и только иногда довольна «госпожей

Коммиссаржевской». — Ужъ таковъ удѣлъ театральныхъ рецензентовъ и ихъ читателей-актеровъ: однимъ писать, а другимъ читать черное по бѣлому, и тотчасъ же наоборотъ.

Какъ въ предыдущихъ городахъ, такъ и здѣсь гастроли привлекаютъ всеобщее вниманіе. Сборы настолько значительны, что Вѣра Федоровна уже не хочетъ ѣхать въ Кишиневъ, гдѣ всего три спектакля. Она рада оставить эти дни на отдыхъ, необходимый ей для Харькова. Въ труппѣ говорятъ, что Вѣра Федоровна переутомлена и нужно прервать гастроли для пользы самой же гастролерши. И ходятъ слухи, что она вполнѣ согласна съ мнѣніемъ своихъ товарищей. Но... въ Кишиневѣ уже назначены спектакли, театръ снятъ, телеграфируютъ о полныхъ сборахъ. Такъ диктуетъ «хозяйственная логика», и находятся совѣтчики, упорно внушающіе Вѣрѣ Федоровнѣ необходимость заѣзда въ Кишиневъ. Въ сущности, необходимость только въ томъ, чтобы предпочесть своему здоровью двѣ-три тысячи лишнихъ денегъ. Что же Вѣра Федоровна? Простая, сердечная, сговорчивая, она въ концѣ концовъ сдается на эти увѣщанія и, подаривъ на память одесситамъ «Нору», спѣшитъ «спасать» свое матеріальное благополучіе.

Кишиневъ, 4, 5, ноября.

Съ огромнымъ успѣхомъ Вѣра Федоровна играетъ здѣсь только «Нору» и «Огни Ивановой

ночи». Третій же спектакль отмѣняется заранѣе, и, такимъ образомъ, Вѣра Федоровна кое-какъ «скроила отдыхъ»—свободный день передъ тѣмъ, какъ снова сѣсть въ вагонъ.

По дорогѣ въ Харьковъ вся труппа встрепенулась отъ неожиданныхъ новостей. Узнаютъ, что Вѣра Федоровна только что получила два очень лестныхъ приглашенія. Одно въ Саратовъ, на рядъ гастролей въ торжественные дни открытія новаго университета; другое — въ Парижъ, на «вечеръ міровыхъ знаменитостей», устраиваемый съ благотворительною цѣлью всей парижской прессой. Точныхъ свѣдѣній о грандіозной парижской затѣѣ Вѣрѣ Федоровнѣ не сообщили, чѣмъ еще болѣе ее заинтересовали... Вечеръ міровыхъ знаменитостей драматическаго и вокальнаго искусства! Конечно, Дузэ, Бернаръ, Кавальери, Ансельми, Кузнецова, Шаляпинъ, можетъ быть, Савина—и Коммиссаржевская! А если музыка и балетъ — тогда еще Гофманъ, Изаи, Павлова, Фокинъ. Это былъ бы не вечеръ мірового искусства, а знойный полдень! Такая сіяющая радуга, вдругъ показавшаяся Вѣрѣ Федоровнѣ въ сумерки ея тяжелыхъ трудовыхъ дней, легко могла ослѣпить ее своимъ великолѣпіемъ!...

Въ средѣ актеровъ мгновенно пошли всякіе толки и слухи. Уже стали говорить, что Вѣра Федоровна отвѣтила согласіемъ любезнымъ парижанамъ и телеграфировала имъ и въ Петербургъ сообщить подробности. Усердно подсчитывали «итоги», если поѣздка будетъ внезапно прервана. Оказалось, что труппа могла быть свободной

чуть ли не три недѣли, а Вѣрѣ Федоровнѣ міровая слава обойдется не дешевле 20 тысячъ. Словомъ, говорили, шумѣли, спорили еще и тогда, когда уже начались гастроли въ Харьковѣ.

Но конечно, болѣе всѣхъ волновалась сама Вѣра Федоровна. Изобрѣтательные парижане были для нея великимъ искушеніемъ и, вѣроятно, она долго колебалась, чтобы принять окончательное рѣшеніе. Вопреки ожиданіямъ соблазнъ былъ побѣжденъ! Вѣра Федоровна убѣдилась въ полной невозможности уѣхать въ Парижъ именно теперь и отказалась отъ мысли участвовать на вечерѣ. Какъ говорили, она любезно благодарила за оказанную честь, объясняя свой отказъ безвыходными условіями своей работы *).

Другое почетное предложеніе — ѣхать на открытіе университета въ Саратовъ — тоже, къ сожалѣнію, было невыполнимо: дни гастролей въ Саратовѣ совпадали съ гастролями въ Тифлисѣ, обусловленными крупной неустойкой. Но Вѣра Федоровна говорила, что съ удовольствіемъ поѣхала бы, если бы въ маршрутѣ не Тифлисъ, Баку и Закаспійскій край. Для нея это было прямымъ сокращеніемъ пути на гастроли въ Сибирь.

---

*) Кстати, «вечеръ міровыхъ знаменитостей» своевременно не состоялся.

Харьковъ, 8—16 ноября.

Поздно ночью вся труппа пріѣзжаетъ сюда, впервые увидѣвъ снѣгъ. Почти всѣ остановились въ скромномъ, но изящномъ Hôtel'ѣ Marsel, гдѣ постоянно останавливается Вѣра Федоровна. Милое объединеніе, общее содружество уже давно царитъ въ труппѣ, и живутъ всѣ, какъ одна семья, которую на этотъ разъ ожидало событіе чрезвычайной важности.

Вступленіемъ къ нему былъ пріѣздъ изъ Москвы писателя и переводчика Ю. Балтрушайтиса. По просьбѣ Вѣры Федоровны онъ пріѣхалъ къ ней для совѣщанія. О чемъ они говорили— никому не было извѣстно. Но многіе предполагали, что темой обсужденія могла быть программа будущаго сезона или заказъ на переводы новыхъ пьесъ. И радовались: неожиданный пріѣздъ какъ бы подтверждалъ увѣренность большинства актеровъ, что «Драматическій театръ» возобновитъ свою дѣятельность въ Петербургѣ. Но предположеніе не оправдалось.

16 ноября, въ послѣдній день гастролей здѣсь, назначается собраніе у А. П. Зонова. Онъ приглашаетъ всѣхъ по порученію Вѣры Федоровны:

— Вѣра Федоровна извиняется: она не можетъ лично сказать то, что поручила прочесть всѣмъ.

Конвертъ надорванъ, и дрогнувшимъ голосомъ Зоновъ громко читаетъ:

То большое волненіе, какое переживаю я, касаясь того, о чемъ скажу сейчасъ, помѣшало бы мнѣ говорить, и поэтому я пишу.

Съ тѣми изъ Васъ, кто пришелъ въ мой театръ, вѣря въ него, съ тѣми изъ Васъ, кто работалъ и работаетъ со мной, вѣря въ меня—я должна, я хочу подѣлиться своимъ рѣшеніемъ:—По окончаніи этой поѣздки я ухожу совсѣмъ изъ театра. Надолго ли, навсегда ли—зависѣть это будетъ не отъ меня.

Я ухожу потому, что театръ въ той формѣ, въ какой онъ существуетъ сейчасъ — пересталъ мнѣ казаться нужнымъ и путь, которымъ я шла въ исканіяхъ новыхъ формъ—пересталъ мнѣ казаться вѣрнымъ.

Тѣмъ изъ Васъ, кому дорогъ во мнѣ художникъ, я хочу сказать еще, что художникъ этотъ уходитъ изъ театра съ душой, полной вѣры въ будущее, въ новыя возможности, съ душой, полной больше чѣмъ когда-либо ясной, твердой вѣры въ неизсякаемость и достижимость истинно прекраснаго, и когда бы и какъ бы тихо Вы ни постучались въ эту душу — она услышитъ Васъ и откликнется на зовъ Вашъ.

Вѣра Комиссаржевская.

15 ноября 1909 года.

Въ комнатѣ глубокая тишина, благоговѣйное безмолвіе. Всѣ взволнованы услышаннымъ. Поистинѣ, Вѣра Федоровна въ эти мгновенія раскрыла свою душу—и пѣніе ея, ея сладчайшая молитва еще трепещетъ, еще зоветъ къ себѣ... Свершилось! Безкровную жертву принесла она на алтарь своей любви — Красотѣ...

Собраніе кончилось. Всѣ молчаливо расходятся.

Но лишь только прошли первыя минуты оцѣпенѣнія, какъ сразу, съ неистощимой энергіей

началось обсужденіе письма. По всей гостиницѣ, во всѣхъ комнатахъ, занятыхъ актерами, шумно, возбужденно идутъ споры. Высказываются самыя разнообразныя мнѣнія, отчего Вѣра Федоровна покидаетъ сцену. Одни привѣтствуютъ смѣлый и открытый шагъ, другіе находятъ его преждевременнымъ; одни видятъ личный подвигъ въ ея поступкѣ, другіе — необходимость. И какъ часто случается въ моменты наивысшаго напряженія, мнѣнія расходятся, діаметрально противоположны, притти не могутъ къ одному выводу.

Въ этотъ вечеръ, прощаясь съ Харьковомъ, Вѣра Федоровна играла «Огни Ивановой ночи». Передъ спектаклемъ въ ея уборную зашли нѣкоторыя артистки. Она ласково встрѣтила ихъ, и въ ея печальныхъ глазахъ свѣтились слезы. Плакали тихо и пришедшія. Хоронили въ сердцѣ мечту о неразлучной дружбѣ. Плакали о любви къ той, которая умѣла отвѣчать только любовью и безконечно глубокимъ вниманіемъ.

Здѣсь, въ Маломъ театрѣ, Вѣра Федоровна вновь сыграла безъ перерыва девять спектаклей, почти весь свой текущій репертуаръ, за исключеніемъ «Юдиѳи» *). Ея успѣхъ едва ли не самый шумный въ сравненіи даже съ Кіевомъ. Какъ будто въ тѣ дни, когда она рѣшилась покинуть сцену — судьба дарила ей вѣнокъ восторга, а

*) Сложная постановка „Юдиѳи“ постоянно обременяла поѣздку и пьесу отправили въ Петербургъ.

страстно пережитое удвоило ея энергію!... Вѣра Федоровна неутомима, и доведетъ свое дѣло до конца. Конечно, при другихъ условіяхъ, она уже теперь ушла бы на другую работу, надъ которой глубоко задумалась, но принятое обязательство такъ значительно, что расплатиться она можетъ только по окончаніи поѣздки. И играетъ — уже страдающая подъ тяжестью матеріальныхъ невзгодъ... Но ни на одно мгновеніе внутренняя драма артистки не передается зрителю: передъ нимъ все та же Вѣра Федоровна! Вѣчной юностью сверкаетъ ея талантъ! Ее встрѣчаютъ бурныя овацiи. И вновь судьба: послѣднее ея созданіе — Ганка — увлекаетъ всѣхъ. «Пиръ жизни» идетъ здѣсь дважды при полныхъ сборахъ, съ большимъ успѣхомъ и въ публикѣ, и въ прессѣ.

Полтава, 17—22 ноября.

Днемъ приходитъ поѣздъ. Вѣру Федоровну встрѣчаютъ на вокзалѣ родственники. Она садится въ парныя сани, укутавшись въ великолѣпную соболью шубу, и утомленная отъ переѣзда спѣшитъ по безконечному шоссе скорѣе въ городъ, на отдыхъ передъ спектаклемъ. Къ счастью, на этотъ разъ къ ея услугамъ тихая, семейная квартира.

Въ одномъ изъ «просвѣтительныхъ учрежденій имени Гоголя» — городскомъ театрѣ, изящномъ, чистенькомъ, идутъ гастроли. Нарядный залъ, видъ праздничный, веселый. Каждый спектакль—

полный сборъ и приставные стулья. Едва хватаетъ мѣста. Полтавцы, вѣроятно, очень ждали пріѣзда Вѣры Федоровны — такъ радушенъ, искренно привѣтливъ оказанный пріемъ. Въ этомъ городѣ интересъ къ театру большой и постоянный, поэтому интеллигентность, воспитанность чувствуется въ зрителяхъ. Они пришли не на развлеченье, а видѣть Нору, Ганку, Беатрису, Мирандолину. И пріѣздъ Вѣры Федоровны для нихъ — культурный праздникъ.

Мѣстныя скромныя газеты—трогательное усердіе въ похвалахъ. А когда Вѣра Федоровна уже уѣхала отсюда, ей вослѣдъ кто-то написалъ поэтическое посланіе о «звѣздѣ, ярко освѣтившей своимъ сіяніемъ тусклый небосклонъ провинціальной жизни». Это посланіе Вѣра Федоровна прочла въ одномъ изъ слѣдующихъ городовъ въ видѣ «корреспонденціи» изъ Полтавы.

Уютно и чисто въ маленькомъ городѣ. Вѣетъ опрятностью, тишиной, и все располагаетъ къ отдыху, прогулкамъ... Какая красота должна быть здѣсь весною, когда раскошно зацвѣтутъ сады, въ тѣнистой зелени протянутся аллеи улицъ, и каждый палисадникъ станетъ душистой клумбой! А теперь, до перваго солнечнаго дня — блѣдная, хилая зима. Но уже дышитъ весеннимъ предчувствіемъ земля, и таетъ снѣгъ, исчезая въ ручейкахъ...

Вѣра Федоровна наслаждается отдыхомъ. Пользуется каждой свободной минутой, чтобы побыть на свѣжемъ воздухѣ. Ѣздитъ днемъ по городу, осматриваетъ... Интересуется образцовымъ зем-

скимъ музеемъ. Ей очень нравятся работы кустарей — ткани, вышивки, матеріи. Въ музеѣ покупаетъ нѣсколько маленькихъ вещицъ на память нѣкоторымъ изъ своей труппы.

Свѣтлые, привѣтливые дни бѣгутъ быстро. Но Вѣра Федоровна уже пріободрилась: въ театръ приходитъ радостной, веселой, оживленно разсказываетъ, шутитъ. Ея крѣпкой натурѣ нуженъ лишь краткій отдыхъ, чтобы чувствовать себя здоровой...

Поздно ночью, часа въ 4, всѣ уѣзжаютъ на вокзалъ. По длинному шоссе, освѣщенному тускло луной, тянутся извозчики съ пожитками актеровъ, которые едва сидятъ въ пролеткахъ, рискуя вылетѣть на любомъ ухабѣ...

Екатеринославъ, 24—29 ноября.

Большой провинціальный городъ. Красота его — прибрежье Днѣпра. Съ высокаго берега открывается чудный видъ на ту сторону рѣки, а на этой—роскошный большой садъ и дворецъ, бывшія владѣнія кн. Потемкина. Туда, почти за городъ, часто ѣздитъ Вѣра Федоровна отдохнуть и полюбоваться осенней красотой пейзажа. (Съ зимою уже на всю поѣздку простились въ Полтавѣ!)

Здѣсь снова Вѣра Федоровна простудилась. Къ счастью, болѣзнь оказалась въ легкой формѣ, не возбудивъ большихъ опасеній, хотя третій спектакль Вѣра Федоровна принуждена была от-

мѣнить. Но она быстро «взяла себя въ руки», и инфлюэнца «исчезла»...

Играютъ въ городскомъ театрѣ. Онъ старый, грязный, безъ удобствъ. Зрительный залъ большой, но сцена маленькая, а уборныя артистовъ—клѣтушки съ желѣзными круглыми печками. Въ одной половинѣ уборныхъ, по одну сторону сцены—жарко какъ въ банѣ, въ другой—холодно какъ въ погребѣ. На холодной половинѣ одна большая уборная—Вѣры Федоровны. Вѣроятно, она тамъ и простудилась.

Въ театрѣ играть непріятно. И публика какая-то неучтивая: въ антрактахъ шумятъ всѣ, какъ на веселомъ гуляньѣ. Былъ даже маленькій инцидентъ, когда играли «Нору». Прежде чѣмъ дать занавѣсъ перваго акта, разъ десять давали звонки. Опоздавъ чуть ли не на полчаса, начинаютъ спектакль. Вѣра Федоровна—Нора—выходитъ съ покупками... Въ залѣ шумъ, говоръ, возня, крики. Со сцены ничего не слышно. Воспользовавшись своей длинной паузой передъ разговоромъ съ Гельмеромъ, Нора уходитъ за кулисы.

— Я не буду играть до тѣхъ поръ, пока публика не успокоится. Вѣдь я въ театрѣ, а не на базарѣ!

Помощникъ режиссера далъ занавѣсъ и обратился къ публикѣ, прося ее о необходимой тишинѣ. И только послѣ этого Вѣра Федоровна снова вышла на сцену...

Здѣсь пять спектаклей, и театръ постоянно переполненъ. Видимо, публика «изголодалась»... Сидятъ даже въ оркестрѣ... Изъ новыхъ ролей

Вѣра Федоровна играетъ Мирандолину и Ганку. Опять шумный успѣхъ обѣихъ пьесъ. А когда Вѣра Федоровна — шаловливая Розн, — въ залѣ непрерывный смѣхъ. Послѣдній спектакль — «Огни Ивановой ночи». Публика устраиваетъ овацію и горячо прощается. «Инцидентъ», такъ сказать, забытъ, и Вѣра Федоровна уѣзжаетъ примиренная...

Въ эти дни Вѣра Федоровна снова задумывается о своихъ дѣлахъ, о своемъ будущемъ. Однажды во время спектакля она обратилась къ одному изъ артистовъ:

— Поѣзжайте въ Петербургъ и Москву, какъ наступитъ рождественскій перерывъ. Я не могу ѣхать сама — мнѣ очень нуженъ покой и отдыхъ. Я страшно устала... А устраивать дѣла уже необходимо... На будушій годъ вмѣсто театра я хочу открыть свою школу...

«Я ухожу потому, что театръ въ той формѣ, въ какой онъ существуетъ сейчасъ — пересталъ мнѣ казаться нужнымъ и путь, которымъ я шла въ исканіяхъ новыхъ формъ—пересталъ мнѣ казаться вѣрнымъ».—Такъ сказала Вѣра Федоровна. И если вспомнить, что только три пьесы она считала истиннымъ достиженіемъ своего театра—слова ея отреченія прозвучатъ неумолимымъ приговоромъ! Съ поразительною силою, почти жестокостью она не щадитъ себя въ этомъ признаніи, говоря о несбывшейся мечтѣ своей, которую сжигаетъ теперь своею же пламенною вѣрою въ

истину и тайну вѣчную Искусства. Этой истинѣ и тайнѣ отдаетъ она безропотно прекрасные дары своей души, отдаетъ покорно моленіе свое объ откровеніи, страданіе всей жизни во имя творческаго чуда — и молится, трепещетъ передъ Ликомъ «истинно прекраснымъ», «съ душой, полной вѣры въ будущее». Ея жизнь была и будетъ жертвою на алтарѣ Искусства. И обрекаетъ она себя таинственно, безмолвно, и на устахъ ея печать любви.

И ни слова о жертвѣ... Она пришла въ свой храмъ съ великимъ дарованіемъ, она самоотверженно служила ему, она не только душой своею, но и жизнью—всѣмъ своимъ благополучіемъ — заплатила за то, чтобъ возродить Искусство, чтобъ ожило оно и засіяло, — и вотъ теперь, когда мечта была уже сверхсильной — она молчитъ. А могла бы крикнуть отъ равнодушія ближнихъ, имѣла право бросить проклятія толпѣ за пошлость ея и слѣпоту — но все-таки молчитъ... — Больше любви къ міру, живой любви, безпредѣльной, солнечной! — Это сестра наша! Это Беатриса съ сіяющими глазами отъ слезъ и счастья!

— Придите всѣ, придите всѣ, это — часъ любви, а любовь безгранична... Помогайте другъ другу, прощайте обиды и сливайте въ жизни ваше счастье и ваши слезы... Любите другъ друга, молитесь за тѣхъ, кто падаетъ! Придите всѣ, придите всѣ, берите все, Господь не видитъ зла, которое дѣлаютъ безъ ненависти... Придите всѣ, прощайте, ибо нѣтъ грѣха, котораго не коснется прощеніе...

Такъ говоритъ она въ храмѣ своей жизни. И не уйдетъ, не покинетъ этотъ храмъ. Но изъ алтаря, гдѣ уже принесла жертву, выйдетъ на клиросъ. Хочетъ встрѣтить тамъ хоръ юношей и дѣвушекъ — они страстно ждутъ ее! И благословитъ ихъ пламенною вѣрою «въ неизсякаемость и достижимость истинно прекраснаго», овѣетъ свѣтомъ души своей — и вотъ раздастся въ храмѣ славословіе! И будетъ молиться уже не одна, уже не съ тѣми, кого покинула — а съ тѣми, къ кому пришла, какъ къ дѣтямъ приходитъ мать, неся имъ благодатные дары любви...

Вѣра Федоровна оставляетъ театръ. Въ своемъ отнынѣ знаменитомъ письмѣ она провела черту подъ всей предыдущей своей дѣятельностью, сдѣлавъ смѣлый выводъ. Но какъ? Какимъ путемъ пришла она къ своему рѣшенію? Этотъ вопросъ волнуетъ многихъ, и были даже попытки узнать подлинныя причины... Но Вѣра Федоровна никому не сказала о нихъ. Не освѣтила путь рѣшенія. Не открыла стезю страданій своей души. Какъ въ своемъ рѣшеніи, такъ и во внутреннихъ испытаніяхъ осталась одинокой, безстрашной и великой. И всѣ могли только догадываться...

Она умолчала... Ея рѣшеніе — большое чувство, она болѣе испытываетъ его, чѣмъ стремится объяснить. Это чувство — итогъ сложныхъ переживаній — захватило ее всю. Поэтому такъ безпощадно, сильно и съ удивительною искренностью пишетъ она слова признанія своего «невѣрнаго пути». И, можетъ быть, когда писала — не видѣла

себѣ даже оправданія, не искала утѣшеній, тогда какъ все это принадлежало ей!

Вѣра Федоровна разочаровалась въ избранномъ пути... Но не въ этихъ дняхъ, когда она уходитъ со сцены, вся печаль разочарованія, вся боль и страданіе. Уже давно живетъ мучительное сомнѣніе въ ея душѣ, искавшей въ искусствѣ не только красоты, но и вѣчной правды. Уже давно задумалась она надъ сдѣланной попыткой возродить искусство — и убѣдилась въ тщетѣ этой попытки, ибо сущность новаго искусства осталась тайной. Поэтому: ея театръ только «намѣтилъ пути»; въ немъ впервые сверкнула ярко эстетическая грань искусства сцены; и лишь три пьесы были достиженіями.

Что же теперь? — Наступилъ моментъ, когда Вѣра Федоровна переоцѣниваетъ значеніе своего театра, подведя итоги послѣднихъ лѣтъ. И въ своихъ мысляхъ, въ своихъ выводахъ она уже хладнокровна: театръ «пересталъ казаться нужнымъ» и путь считается «невѣрнымъ». Она не видитъ цѣли. Ея нѣтъ.

Но ничто не можетъ измѣнить творческой души артистки. Въ ней силы прежнія, еще болѣе закаленныя испытаніями. Кто знаетъ, если бы явился великій художникъ и указалъ ей цѣль, — отказалась ли бы она итти за нимъ? Но великаго нѣтъ. Она одинока. И вотъ, Вѣра Федоровна уходитъ изъ театра, — но возникаетъ школа. Въ ней хочетъ найти она новый путь къ новому театру. — Исходъ силамъ, которыя въ избыткѣ, найденъ!

Ея школа. Конечно, такая, которой еще не было. Это не «драматическіе курсы», а большая художественная студія. Тамъ не будетъ «сценическаго искусства» — узкой профессіи, — тамъ будетъ искусство музыки, пѣнія, пластики и рѣчи. Ничего специфически театральнаго: свободная аудиторія, гдѣ молодежь живетъ красотой. Міръ красоты, всесторонне раскрытый—вотъ что окрылитъ души всѣхъ, вотъ откуда родится стремленіе къ истинному творчеству. И кто будетъ воспитателемъ? Другіе осмѣлились бы, но Вѣра Федоровна имѣетъ право быть имъ.

Свою школу Вѣра Федоровна задумываетъ въ широкихъ размѣрахъ. Поэтому, когда говорятъ, что она отказалась отъ театра изъ-за матеріальныхъ лишеній, — ошибаются, такъ какъ школа требовала вновь тѣхъ же безконечныхъ жертвъ.

Ростовъ на Дону, 30 нояб.—3 декабря.

Еще на вокзалѣ всѣхъ любезно извѣстили, что нѣтъ ни одной свободной гостиницы! Вѣрнѣе, туда актеровъ не пускаютъ. Пожалуй, еще евреи, и вообще народъ подозрительный. Милая провинція!... Устроилась, конечно, безъ волненій только одна Вѣра Федоровна—въ Grand Hôtel'ѣ, другіе съ усиліями тамъ же, а третьи, тщетно обойдя гостиницы, отправились въ участокъ, гдѣ пригрозили жаловаться градоначальнику. И

только съ помощью полиціи все обошлось благополучно.

Театръ, гдѣ идутъ гастроли—цѣлый Колизей: громадный по размѣрамъ и съ плохой акустикой. На сценѣ есть «мертвыя точки», откуда какъ громко ни говорить—зрителямъ почти не слышно. И нужно все мастерство рѣчи Вѣры Федоровны, чтобы приковать всеобщее вниманіе.

Здѣсь четыре спектакля. Весь театръ наполнить невозможно, но публики постоянно много, особенно въ день послѣдняго спектакля «Огней Ивановой ночи» и на «Пирѣ жизни», которому успѣхъ не измѣняетъ. Пріемъ оказанъ Вѣрѣ Федоровнѣ хорошій, но въ немъ оттѣнокъ дѣловитости, какая-то поспѣшность. Помилуйте,—торговый городъ, люди занятые, всѣмъ некогда смотрѣть еще и гастролершу, когда есть свой театръ съ безплатнымъ приложеніемъ—вечерами «gala» послѣ спектакля...

Часто изъ Grand Hôtel'я Вѣра Федоровна заходитъ въ другую гостиницу, гдѣ лучшій столъ, обѣдать. Совершенно запросто, какъ другъ-товарищъ встрѣчается тамъ съ нѣкоторыми изъ своей труппы и ведетъ бесѣды... Въ эти дни она почему-то чрезвычайно весела и беззаботна. Смѣется безъ конца, смѣшитъ другихъ, и молодости въ ней хоть отбавляй! Плещетъ задоромъ, лукавствомъ, наивностью. Что-то ребяческое въ ней—такъ мила, такъ непосредственна, такъ граціозна. Свѣжесть души и легкость думъ...

Вспоминаетъ свои артистическія поѣздки и разсказываетъ о приключеніяхъ... Маленькій сборникъ юмористики во вкусѣ Чехова... Напримѣръ... Въ нее отчаянно влюбился одинъ южный помѣщикъ, страшный уродъ и великанъ, но истинный поклонникъ всего прекраснаго. Влюбился—и баста! Ничѣмъ не можетъ его отвадить, преслѣдуетъ ее повсюду. Наконецъ,—кажется, дѣло было въ Баку,—она уѣзжаетъ, гастроли кончились. На прощанье онъ клянется сдѣлать для нея все, что пожелаетъ. Шутя, она сказала:—«У меня въ Петербургѣ свой театръ. Будьте его пайщикомъ. Внесите тысячъ двадцать». Помѣщикъ принялъ шутку за чистую монету:—«Даю слово, какъ только вы мнѣ напишете, я пришлю вамъ чекъ!» Прошло лѣто. Сезонъ открылся. Очень нужны деньги. Случайно вспоминаетъ помѣщика: не занять ли у него подъ векселъ съ поручительствомъ?—И пишетъ... Вскорѣ съ юга получаетъ письмо. Конечно, отвѣчаетъ согласіемъ ея вѣрный рыцарь! Обрадовалась страшно—достала деньги! Письмо вскрыто, она читаетъ: «Милостивая государыня. Мой мужъ влюбился въ васъ... вы разбили мою семейную жизнь... и хотите, чтобы я раззорилась... запрещаю вамъ разъ навсегда обращаться съ подобными дикими просьбами...»

— Каково же было мое положеніе, и вы представить не можете!!—съ ужасомъ говоритъ Вѣра Федоровна, и хохочетъ какъ маленькая дѣвочка, попавшая впросакъ...

Разсказываетъ новыя приключенія. Смѣшитъ всѣхъ безъ конца. Нѣтъ удержу ея веселью...

Но она и тонкій наблюдатель. Неуловимое подмѣтитъ и ярко скажетъ. Умѣетъ все понять, почувствовать, а главное—увлечься сразу...

Этимъ лѣтомъ она поѣхала въ Парижъ. Отдыхаетъ, веселится, катается на автомобиляхъ (увлеченіе!)... Случайно прочла въ газетахъ: въ Мюнхенѣ, въ Künstler-Theater на-дняхъ первое представленіе «Юдиѳи» Геббеля. Ее играетъ Tilla Durieux! Пьесу ставитъ Max Reinhardt! Необходимо видѣть!... Немедленно экспрессомъ изъ Парижа въ Мюнхенъ, гдѣ можетъ прожить только одинъ день. Пріѣхавъ, въ Hôtel'ѣ узнаетъ, что спектакль отложенъ чуть ли не на недѣлю. Какая страшная досада!... Но вечеромъ—все-таки въ театръ. Едва достала мѣсто и садится въ партерѣ простою зрительницей. Въ программѣ «Фаустъ». Играютъ великолѣпно. Мефистофель—Paul Wegener, артистъ прекрасный, настоящій мастеръ. А въ Маргаритѣ пріятно вспомнить себя: замыселъ исполнительницы совпалъ съ ея замысломъ, когда она играла Маргариту въ Александринкѣ, рисунокъ одинаковъ. Постановка очень интересна и красива. Декоративныя панно великолѣпны. Нѣсколько рискована по реализму, но чрезвычайно оригинальна сцена на Брокенѣ. Вотъ mise-en-scène...

И Вѣра Федоровна съ увлеченіемъ разсказываетъ все, до мельчайшихъ подробностей...

Поѣздъ мчитъ къ Владикавказу. Купэ въ вагонѣ перваго класса. Вѣра Федоровна пьетъ чай и бесѣдуетъ. Она пригласила одного изъ актеровъ

завѣдывать въ будущемъ году ея художественной школой, и теперь говоритъ ему, въ чемъ дѣло...

— Мнѣ совершенно безразлично, гдѣ будетъ школа, въ Москвѣ или Петербургѣ. Но я предпочитаю послѣдній изъ-за практическихъ соображеній. Въ Петербургѣ имѣется самый большой художественный матеріалъ для школы: Эрмитажъ, академіи, цѣнные музеи, прекрасные памятники различныхъ эпохъ... Затѣмъ, нужныя мнѣ лица тоже тамъ: Ал. Бенуа, В. Ивановъ, Добужинскій, Бакстъ, Ал. Блокъ... Наконецъ, при московскомъ художественномъ театрѣ своя школа— весьма вліятельная, и мнѣ, въ сосѣдствѣ съ нею, было бы труднѣе работать въ совершенно новомъ направленіи... Для москвичей—В. Брюсова, А. Бѣлаго, — можно будетъ устроить систему гастролей...

— Школьное дѣло должно возникнуть на широкихъ художественныхъ основаніяхъ. Особыхъ капиталовъ для него у меня, конечно, нѣтъ. Какъ бѣдная кочующая принцесса, я берусь за новую работу... Поэтому, въ матеріальныхъ вопросахъ нужно быть осмотрительнымъ. Необходимо составить хотя бы приблизительную смѣту, какъ только контуры школы начнутъ обозначаться...

— Я хотѣла бы имѣть помѣщеніе въ стилѣ готики, высокое, свѣтлое, съ большимъ тихимъ заломъ и съ круглыми цвѣтными окнами... Какъ въ храмѣ встрѣчать день съ юношествомъ... Одной стороной залъ былъ бы съ балкономъ, откуда видъ на луга и отдаленный городъ—чтобы ничто

не утомляло глазъ и кругомъ была бы торжественная тишина... А въ залѣ и другихъ комнатахъ, такихъ же свѣтлыхъ и покойныхъ,—много, много цвѣтовъ... розъ, хризантемъ и бѣлыхъ лилій... Но это тщетныя мечты, это недостижимо! И вмѣсто готики и тишины полей—столичный шумъ и простая, свѣтлая, удобная квартира. Придется «приспособиться»...

— Я считаю въ высшей степени полезнымъ и необходимымъ для школы близость и общеніе съ природой. Нужно какъ можно чаще устраивать всевозможныя экскурсіи, и образовательныя, и просто какъ наилучшій отдыхъ. Лекціи въ лѣсу, въ окрестностяхъ, въ полѣ... Не говорю уже о необходимости постояннаго общенія съ памятниками искусства, старины. Ихъ исторія должна быть живой и ощутимой, отнюдь не книжной, а всегда наглядной.

— Полной программы своей школы у меня пока нѣтъ. И я не могу ея имѣть: ее необходимо выработать не одной, а при участіи тѣхъ лицъ, которыхъ я надѣюсь привлечь къ дѣлу. Будущею осенью я займусь этимъ... Программа должна быть чрезвычайно ясной — и конкретна. Это главное. Какъ вступленіе къ такой программѣ должна быть цѣлая статья о новой школѣ. Въ этой статьѣ—философскій и эстетическій замыселъ: новое слово въ вопросѣ о школѣ. Статья въ видѣ брошюры. Ее мнѣ уже обѣщали написать... Въ общихъ чертахъ, въ школѣ проектируются пока два отдѣленія: драматическое и музыкально-пластическое. Оба въ самой тѣсной связи,

въ зависимости; оба всесторонне освѣщенныя. Искусство музыки, искусство пластическое должны имѣть огромное воспитательное значеніе для развитія въ каждомъ ученикѣ искусства драмы, и должны быть средствомъ достиженія новыхъ художественныхъ задачъ. Спеціально опернаго класса не будетъ... Такимъ образомъ, вся суть при составленіи программы—это найти наиболѣе, я сказала бы, остроумную комбинацію данныхъ искусствъ. Въ нихъ нужно указать отправную точку и точку живого соприкосновенія... Искусство живописи, къ сожалѣнію, больше музеи, чѣмъ классъ. Но это только п о к а... Кромѣ двухъ отдѣленій, какъ выводъ изъ предыдущаго, можетъ быть образовано третье—режиссерскій классъ. Для него требуется уже наличность положительныхъ знаній въ области, по возможности, всѣхъ искусствъ, всестороннее развитіе. Режиссерскій классъ—классъ композиціи совершенно самостоятельныхъ, отнюдь не специфически-театральныхъ... Режиссеръ—и историкъ, и теоретикъ, и знатокъ эпохъ, а—главное!—психологъ и эстетъ... Режиссеръ лишь тотъ, кто «мастеръ», «первоклассный дирижеръ»...

— Время школьныхъ занятій: рано утромъ, и къ вечеру. «Днемъ» и «вечеромъ» всѣ свободны. Утромъ—курсъ элементарный, основной для сценическаго искусства; вечеромъ—изученіе его и практическія работы. Полный курсъ школы, вѣроятно, будетъ трехгодичный. Но сейчасъ я болѣе всего думаю о программѣ занятій только перваго курса. Она, приблизительно, должна быть такая.

Курсъ элементарный. Физическое воспитаніе, гимнастика, игры, по новѣйшей системѣ; постановка и развитіе голоса, дыханія, дикціи, рѣчи; гигіена голоса; пластика и танцы—школа Дунканъ; теорія музыки, музыкальныя занятія; экспериментальная психологія; краткая анатомія, мимика, работы грима. Теорію музыки я буду просить читать Надежду Яковлевну Брюсову. Она прекрасно знаетъ все... А пластикой и танцами приглашу руководить лицо, окончившее школу сестры А. Дунканъ. Такая школа уже пользуется популярностью въ Германіи. Или же буду просить госпожу Книпперъ...

Курсъ изученія сценическаго искусства. Исторія русской литературы, исторія русскаго театра; предполагаю пригласить Н. А. Котляревскаго, Ѳ. Д. Батюшкова, П. О. Морозова. Исторія древней и европейской литературы, и исторія театра—В. И. Ивановъ, А. А. Блокъ, бар. Н. В. Дризенъ, П. О. Морозовъ. Теорія искусствъ, эстетика — А. Бѣлый. Исторія живописи — Ал. Н. Бенуа, А. Л. Волынскій. Исторія быта и костюма—Ѳ. Ѳ. Коммиссаржевскій. Исторія новой драмы и новаго европейскаго театра—В. Я. Брюсовъ, С. А. Венгеровъ. Конечно, не все дѣло въ курсахъ, а и въ лекторахъ. Я не сомнѣваюсь, что эти имена создадутъ въ школѣ нужное настроеніе... Кромѣ того, предполагается рядъ лекцій по вопросамъ искусства. Нѣчто вродѣ періодической аудиторіи на послѣднія, наиболѣе цѣнныя и интересныя темы художественной жизни. Примѣрныя имена: Д. С. Мережковскій,

Д. В. Философовъ, Л. Бакстъ, В. Ивановъ, Ал. Бенуа, В. Брюсовъ, А. Бѣлый...

— Теперь — самое главное: практическія занятія. Я беру ихъ на себя... Школа отнюдь не должна учить лицедѣйству. Развитіе темперамента и индивидуальности каждаго должно итти въ полной свободѣ. Ничего нарочитаго, никакихъ навыковъ и трафаретовъ сцены... Нужно, чтобы творила душа, воображеніе, воля. Нужно, чтобы всѣ жили красотой, поэзіей, лирикой... Принципъ свободнаго обученія полный, и онъ — основа всего. Подготовительная работа, «устремленіе» ученика—совершенно самостоятельны, и только на эту законченную работу придетъ руководитель... Какъ урегулировать практическія занятія, по какому плану ихъ вести—нужно точно выработать. Никакихъ неясностей, недомолвокъ... Вопросъ этотъ сложный, я не предрѣшаю его сейчасъ, и онъ открытъ.

— Вотъ и все самое существенное о школѣ... Затѣмъ уже детали: ученики и вольнослушатели, какія дастъ права художественная школа, отмѣна вступительныхъ испытаній (нужно найти иной, болѣе раціональный способъ пріема), количество учащихся, мои помощники-«инспираторы», и т. д.

— Кстати, я еще не придумала, какое дать названіе проектируемому художественному учрежденію.

Возвращаясь часто къ школьнымъ вопросамъ, Вѣра Федоровна неизмѣнно говоритъ:

— Я учить лицедѣйству не буду... не буду!

И если возникалъ споръ, она спокойно возражала. И ни разу не отказалась отъ своей мысли.

— Нѣтъ, нѣтъ! Въ моей школѣ учить театральной игрѣ не будутъ! — И въ эту минуту у нея былъ категорическій жестъ, а во взглядѣ яркихъ глазъ какое-то предостереженіе... Ахъ, эта удивительная женщина съ душою неумолимаго Бранда!...

«Я учить лицедѣйству не буду». И еще, ея скромное признаніе: «Вопросъ этотъ сложный, я не предрѣшаю его сейчасъ, и онъ открытъ». Что это значитъ?

Вѣра Федоровна отвергаетъ существующую систему театральнаго воспитанія. Она считаетъ ее совершенно ненужной. Она не хочетъ узкой профессіи и того зла, которое живетъ въ каждой профессіи неизбѣжно. Она мечтаетъ, ей необходимо другое.

Она ждетъ, чтобы явился на сцену художникъ. Его міръ — красота, его душа — ея полнозвучный отзвукъ, его дарованіе — даръ Божій, бережно взлелѣянный. Съ глубокими познаніями, воистину просвѣщенный, со страстнымъ сердцемъ и творческою волею — вотъ новый актеръ. Онъ явится на сцену. Великій долгъ лежитъ на немъ — долгъ предъ жизнью и предъ искусствомъ.— Онъ разрушитъ нынѣшнее торжище, называемое театромъ, и обратитъ его въ храмъ вдохновенія и сладчайшихъ молитвъ. — Онъ вернетъ искусству трагедіи, искусству лирики и смѣха ихъ значеніе.

Вотъ глубочайшая мечта Вѣры Федоровны какъ воспитательницы новаго поколѣнія, какъ руководительницы «хора». Она хочетъ, она страстно стремится возвратить Театру свѣтлую пѣснь Аполлона и всесокрушающую силу чаръ Діониса...

Запомнимъ же навсегда:

«Тѣмъ изъ Васъ, кому дорогъ во мнѣ художникъ, я хочу сказать еще, что художникъ этотъ уходитъ изъ театра съ душой, полной вѣры въ будущее, въ новыя возможности, съ душой, полной больше чѣмъ когда-либо ясной, твердой вѣры въ неизсякаемость и достижимость истинно прекраснаго, и когда бы и какъ бы тихо Вы ни постучались въ эту душу — она услышитъ Васъ и откликнется на зовъ Вашъ.»

Если бы она могла теперь услышать!

И кто осмѣлится теперь создать школу «имени Вѣры Федоровны», когда создать ее имѣла право и могла только эта единственная женщина?!

По безконечной равнинѣ поѣздъ мчитъ въ свѣтлую даль... Высокое солнце радостно согрѣваетъ землю, и тепло такое, какъ будто не декабрь, а первая весна... Направо — непрерывная горная цѣпь Кавказа. Сіяютъ вершины вѣчныхъ снѣговъ. Въ прозрачной синевѣ простора исполинская твердыня объята сномъ...

Бросаютъ свои занятія винтеры и шахматисты, и вмѣстѣ съ другими на каждой остановкѣ выходятъ изъ вагона. Любуются весеннимъ днемъ,

солнечнымъ великолѣпіемъ... «Дары Кавказа» очаровываютъ всѣхъ...

Тифлисъ, 6—14 декабря.

Какъ чудесный самоцвѣтный камень, упалъ городъ среди зеленѣющихъ вершинъ — и горитъ красотой... Красавецъ юга съ соблазнительной улыбкой, съ яркостью и пестротой наряда! Еще нѣтъ здѣсь прянаго востока, но уже пахнуло жгучей страстностью души, своеобразіемъ жизни. Русскому здѣсь многое въ диковину. Немудрено, что вся труппа съ утра до вечера исчезаетъ изъ гостиницъ. Кто на прогулки въ горы, кто на восточные базары — Майданъ, въ ботаническій садъ, на берегъ клокочущей Куры, къ князю Орбеліани... Смотрятъ, восхищаются, безъ конца придумываютъ всякія удовольствія. Съ Варшавы не было такого оживленія. Даже больше: пріѣздъ сюда— праздничное, красивое гулянье. И какъ всѣ еще успѣваютъ играть!

Вѣра Федоровна хорошо знаетъ Тифлисъ. Съ этимъ городомъ ее связываютъ воспоминанія не только о своихъ пріѣздахъ сюда, но и воспоминанія болѣе раннія — объ отцѣ. И каждый разъ она вновь переживаетъ ихъ впечатлительной душой...

Въ прекрасномъ казенномъ театрѣ идутъ гастроли. Первые спектакли—«Родина», «Дикарка», видимо, хорошо знакомы мѣстной публикѣ, и театръ не полонъ. Кромѣ того, объявленъ трауръ

по случаю кончины Вел. Кн. Михаила Николаевича, и третій спектакль долженъ быть отмѣненъ. Впечатлѣніе неудачи. Но это только моментъ: послѣдующія гастроли вернули Вѣрѣ Федоровнѣ тотъ успѣхъ, который постоянно и всюду ее сопровождаетъ... Сыгравъ восемь спектаклей, она съ благотворительною цѣлью играетъ еще «Дикарку» въ Народномъ Домѣ.

Здѣсь много газетъ и много о гастроляхъ пишутъ. За исключеніемъ пьесы Пшибышевскаго, надъ которой недоумѣваютъ, почти вся пресса привѣтствуетъ Вѣру Федоровну и хвалитъ ея Ларису, Магду, Марикку, Рози, Мирандолину, Нору. Кажется, талантъ артистки выше какихъ-либо сомнѣній, и уже давно имя ея — синонимъ славы и благороднаго успѣха. Но бываютъ чудаки, которые упорно не вѣрятъ «собственнымъ глазамъ», какъ будто родились слѣпыми. И вотъ, впервые за всю поѣздку, является возможность прочитать рецензіи этого «оригинала»: въ одной изъ газетъ постоянно «ругань». Съ ухарствомъ и хлесткостью кто-то отчаянно отчитываетъ, въ надеждѣ перекричать всѣхъ. Рецензіи — образецъ мѣщанства, какъ молью изъѣденныя театральщиной во вкусѣ уличныхъ листковъ. Судить, конечно, трудно, какъ относится къ нимъ общество, если ихъ все-таки печатаютъ, но вся труппа — просто съ отвращеніемъ. Впрочемъ, это болѣе досадный курьезъ, смѣшная нелѣпость, чѣмъ фактъ, достойный какого-либо вниманія. Но все-таки случайно Вѣрѣ Федоровнѣ сказали, какъ здѣсь пишутъ.

— Это кто? Въ какой газетѣ?... — Ахъ, такъ это онъ, онъ!—и она громко разсмѣялась.

Оказывается, — старинные «счеты». Еще ея отецъ, Ѳ. П. Коммиссаржевскій, будучи здѣсь виднымъ музыкальнымъ дѣятелемъ, какъ-то не похвалилъ «таланта» бывшаго пѣвца и нынѣшняго рецензента, и вотъ до сихъ поръ онъ этого не можетъ забыть, и съ наглостью бездарности мститъ дочери...

Гастроли кончились. 15 декабря Вѣра Федоровна уже свободна: еще въ Петербургѣ былъ назначенъ перерывъ — наконецъ-то онъ наступилъ! Теперь она можетъ отдохнуть, не такъ, какъ «отдыхала» отъ поѣзда до поѣзда, въ вагонѣ или случайно днемъ: въ ея распоряженіи двѣнадцать свободныхъ дней, и она уѣдетъ въ Кисловодскъ.

Вѣра Федоровна не любитъ часто задумываться надъ прошлымъ въ своей жизни,—это скучно. Ее влечетъ лишь будущее, еще неиспытанное, новое. Вѣроятно, и теперь, получая отдыхъ, она не вспомнитъ о томъ, какою, въ сущности, цѣною заплатила за него!

Съ 8-го августа она въ театрѣ. Съ немногими промежутками работаетъ въ немъ постоянно не только вечеромъ, но и днемъ, и лишь послѣ «Пира жизни», съ 1-го ноября стала только играть. На своихъ плечахъ она вынесла всю поѣздку, создавъ ей художественный и матеріальный успѣхъ. Не щадя себя, силъ своихъ, порой она трудилась буквально до изнеможенія. Но если бы только одинъ трудъ!—Внѣ сцены, внѣ театра

она такъ же дѣятельна, какъ и тамъ. Ея интересъ къ жизни, къ событіямъ, ко всему окружающему — страшный. Всегда она взволнована, порывиста, увлечена...—«Я люблю жить—и живу!»—и нѣтъ ей ни въ чемъ и никогда препятствій! И можно предположить, что ея дѣловитость, тонкая разсудительность, большое благоразуміе, постоянно проявляемыя ею теперь,— лишь результатъ послѣднихъ тяжелыхъ лѣтъ. Раньше она, вѣроятно, не владѣла этими качествами своего характера такъ, какъ теперь.

Огромный непрерывный трудъ Вѣры Федоровны, ея неистощимая нервная энергія, вѣчно глубокій подъемъ ея игры на сценѣ — все свидѣтельствуетъ объ исключительно сильной натурѣ, не знающей себѣ никакихъ преградъ. Поразительна ея выносливость, поразительна смѣлость характера, постоянство, упорство, воля и темпераментъ, страстность ея души! Столько силъ, столько силъ въ этой маленькой женщинѣ, надъ которой не властно время, которая въ тягчайшую минуту можетъ жить наивностью ребенка—и самое большое счастье обратитъ шутя въ неизгладимую печаль! Эта женщина владѣетъ талисманомъ жизни!...

Недѣлю, проведенную въ Кисловодскѣ, Вѣра Федоровна, какъ потомъ говорила всѣмъ, отдыхала великолѣпно. Часто ѣздила на прогулки, читала, наслаждалась одиночествомъ. Чувство совершенной свободы смѣнило усталость, и быстро

укрѣплялись нервы... Но и въ эти дни она находитъ себѣ занятіе: съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ за извѣстіями изъ Москвы и Петербурга, куда съ многочисленными ея порученіями уѣхалъ одинъ изъ артистовъ. Она ежедневно телеграфируетъ отвѣты на получаемыя донесенія и совѣтуетъ, какъ вести дѣла. Ея телеграммы всегда категоричны, а требованія иногда невыполнимы. Но полученный отвѣтъ о затрудненіяхъ не уменьшаетъ ея настойчивости...

23 декабря Вѣра Федоровна уже выѣхала въ Баку. Встрѣтившись съ ней, вся труппа удивилась, какъ быстро она успѣла поправиться,—такой бодрой она вернулась!

Баку, 26 дек.—6 января 1910 г.

Старый, очень грязный городъ. Міровой центръ добычи и торговли нефтью. Кишитъ дѣловымъ людомъ — персы и русскіе, англичане и французы. Какъ въ землѣ течетъ живое золото, такъ и жизнь людей пропитана насквозь наживой, страшнымъ соперничествомъ, рискомъ. Пульсъ города—фонтаны, вышки, экспортныя конторы... нефть и нефть... Единственно, что останавливаетъ вниманіе—въ центрѣ города нѣсколько мечетей и высокая стѣна старинной крѣпости. Печально глядитъ на европейцевъ красивая постройка въ арабскомъ стилѣ...

Въ труппѣ почти нѣтъ оживленія. Все безразлично. Общее тоскливое настроеніе исчезаетъ

лишь по вечерамъ, на спектаклѣ. Въ театрѣ Общественнаго Собранія постоянно за кулисами говоръ и смѣхъ. Все болѣе и болѣе отдаляясь отъ родины и своихъ близкихъ, всѣ невольно ищутъ утѣшенія въ тѣсномъ содружествѣ. Скоро еще дальше заброситъ судьба...

Здѣсь наступилъ и Новый годъ. Вѣра Федоровна встрѣтила его въ кругу нѣсколькихъ артистовъ, пригласивъ ихъ къ себѣ. Было весело, оживленно, очень уютно. Вѣра Федоровна пѣла романсы, смѣялась, но случайно настроеніе нарушилось: одинъ изъ артистовъ читалъ Э. По — «Колокольчики и Колокола», и странно среди веселья прозвучалъ напѣвъ: «Похоронный слышенъ звонъ—долгій звонъ»...

Вѣра Федоровна какъ будто спѣшитъ расплатиться за недавній отдыхъ: безъ малѣйшаго утомленія играетъ здѣсь весь свой репертуаръ, и въ двухъ утренникахъ повторяетъ еще «Нору» и «Дикарку». Всего 12 спектаклей! Но этого мало: Вѣра Федоровна уже назначаетъ репетиціи новыхъ пьесъ для Сибири. Первой репетируютъ «Чайку», она — Нина Зарѣчная.

Въ свободное время Вѣра Федоровна усердно занимается дѣлами. Просматриваетъ хозяйственныя книги. Она взыскательна и требовательна. Обращаетъ вниманіе на малѣйшую неточность. Но по-прежнему со всѣми въ добрыхъ отношеніяхъ...

Теперь ее очень интересуютъ вопросы школы. Она постоянно бесѣдуетъ о результатахъ дѣловой поѣздки въ Москву и Петербургъ. Эту

поѣздку считаетъ только предварительной: изъ Самары нужно ѣхать вновь, чтобы начать переговоры съ тѣми лицами, которыхъ она намѣтила въ качествѣ лекторовъ...

Нѣсколько столичныхъ театральныхъ дѣятелей искренно сожалѣли, что Вѣра Федоровна рѣшила покинуть сцену... Если бы она вернулась!... Когда Вѣрѣ Федоровнѣ разсказывали объ этомъ, она молчаливо слушала и улыбалась...

Въ ту ночь, когда труппа переѣзжала Каспій, море бушевало, и небольшой старый параходикъ кидало изъ стороны въ сторону какъ щепку. Къ утру еще случилась поломка машины, о которой, къ счастью, никто не зналъ. Переѣздъ былъ одновременно и смѣшонъ и страшенъ. Боязливые и хныкающіе забавны были въ своей ежеминутной трусости, а неунывающіе отъ качки и храбро вертѣвшіеся по пароходу вскорѣ похожи были на привидѣнія... Много смѣялись и плакали, и почти всѣ «хворали».

Вѣра Федоровна вначалѣ задорна и весела. У нея удобная каюта — прекрасно уснетъ, а главное—она спокойно переноситъ морскую болѣзнь. Больше всего она боится, «конечно», не за себя, а за другихъ... Затѣмъ, когда ужъ «закачало» весьма чувствительно, и изъ общей столовой всѣ обратились въ бѣгство кто куда,—она «на всякій случай» проситъ принести въ ея каюту лимонъ и коньяку. Выпитая рюмка усиливаетъ увѣренность, что все окончится благополучно—

но сонъ не идетъ, и что-то «вродѣ легкаго головокруженія»... Наконецъ, утромъ, когда уже пріѣхали въ Красноводскъ, Вѣра Федоровна просыпается съ сильной головной болью: разбита, не можетъ встать, и остается на пароходѣ еще нѣсколько часовъ...

Днемъ всѣ садятся въ поѣздъ, и унылой Голодной степью, гдѣ нѣтъ никакой растительности и людей, гдѣ все дико, мертво и порой страшно, ѣдутъ въ Асхабадъ... Уже Азія...

Асхабадъ, 9—11 января.

Среди зеленѣющихъ оазисовъ плодороднѣйшихъ долинъ, окаймленныхъ съ юга горными вершинами, раскинулся новый городокъ. Широкія улицы, засаженныя сплошь высокими деревьями, каменные дома, новые базары и церкви— все указываетъ, что здѣсь нѣтъ никакой исторіи (кромѣ военной русской), нѣтъ старины, и жизнь селенія лишь начинается. Поэтому, какъ будто бы находишься еще въ Европѣ, въ небольшомъ городѣ тихой провинціи, а не въ преддверіи древнѣйшаго края міра.

Страна Востока встрѣчаетъ путниковъ очаровательной погодой. Не свѣтитъ солнце, а печетъ, и раскаленный лучъ жжетъ землю. Теперь январь,— что же бываетъ лѣтомъ?!

Съ вокзала ѣдутъ искать гостиницы. Онѣ своеобразны: непремѣнно съ террасами на внут-

ренній дворъ или садъ, въ общемъ удобныя и чистыя. Вѣра Федоровна остановилась въ «шикарномъ» французскомъ пансіонѣ, другіе въ «Grand Hôtel'ѣ». Едва устроились, узнали, гдѣ театръ, нашли обѣдъ, — какъ уже тянетъ на прогулки. — И всѣ три дня, проведенныхъ здѣсь, какъ будто бы на дачѣ!

Выходятъ за городъ, на зеленѣющія безконечныя равнины, встрѣчаютъ караваны верблюдовъ, туркменскія деревни. Впервые видятъ юрты, туземцевъ, своеобразный колоритъ ихъ жизни. Все небывало, диковинно, и удивленью нѣтъ конца... Такія же экскурсіи дѣлаетъ и Вѣра Федоровна, но только въ экипажѣ... Всеобщее настроеніе прекрасно, а условія жизни — лѣтнія!

Театръ Велосипеднаго Клуба. Маленькая сцена — «блюдечко», сзади нея одна уборная Вѣры Федоровны, а для остальныхъ — помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ. Сыро, холодно, тѣсно. Никакихъ удобствъ и керосиновое освѣщеніе. Что-то похожее на Лодзь, но только всюду чисто.

Благодаря плохой распорядительности, весь сценическій багажъ своевременно не прибылъ. Спектакль уже объявленъ, всѣ билеты проданы, а для «Норы» нѣтъ ни костюмовъ, ни декоративныхъ суконъ, даже экземпляра книги. Еще съ утра, едва пріѣхавъ, Вѣра Федоровна волнуется, и не знаетъ, что ей дѣлать. Отмѣнить спектакль крайне досадно. Въ концѣ концовъ, она рѣшаетъ играть «Огни Ивановой ночи», гдѣ можно обойтись домашними костюмами. Но пьеса должна итти безъ суфлера, и Вѣра Федоровна боится за

своихъ партнеровъ. Къ счастью, они охотно соглашаются играть и безъ суфлерской будки, никому уже ненужной, а помощникъ режиссера прекрасно помнитъ «выхода» — и вотъ, спектакль налаженъ. Играютъ дружно, весело... Слѣдующія гастроли — «Дикарка», «Нора». Вѣра Федоровна имѣетъ постоянно большой успѣхъ. Но онъ какъ будто не столь значителенъ и шуменъ. Это можно объяснить небольшимъ количествомъ зрителей въ маленькомъ театрѣ. Сборы полные, но есть ли матеріальная прибыль — вопросъ, такъ какъ расходы по переѣзду труппы очень велики...

Здѣсь ежедневно при заходѣ солнца возникаетъ въ глубокомъ небѣ блѣдная матовая точка. Когда же наступаетъ вечеръ и темнѣетъ — въ небѣ ярко сіяетъ комета, уходя своимъ хвостомъ въ безконечную высь. Таинственный, непонятный знакъ!

Асхабадъ подарилъ прекрасныя прогулки, и «кочевники» уѣзжаютъ съ пріятными воспоминаніями. Скоро они будутъ южнѣе Мадрида и Неаполя.

Самаркандъ, 13—15 января.

Нѣкогда многолюднѣйшій и богатѣйшій городъ Средней Азіи. Рожденная въ туманѣ древности великая красота его не знаетъ лѣта времени, и стоитъ городъ и понынѣ, плѣняя взоръ! Здѣсь

были бактрійскіе цари, здѣсь подъ стѣнами города сражался Александръ Македонскій, Чингизъ-Ханъ, а желѣзный хромецъ Тамерланъ стремился сдѣлать Самаркандъ городомъ міра. — Какая величественная земля, какой геній мірового владычества витаетъ надъ этими руинами! «Единственный городъ вселенной», въ вѣкахъ бывшій свѣточемъ магометанской учености! Поэты древніе называютъ его Раемъ земнымъ, Царицей міра, его Жемчужиной, Эдемомъ Востока, фокусомъ всѣхъ радостей вселенной, столицей ума и познанія... Сохранился ли этотъ Эдемъ? — Если огонь и мечъ цѣлаго поколѣнія завоевателей уничтожилъ первозданную красоту его, то волею судьбы великія творенія искусства остались.

Вотъ гигантская арка-преддверіе, и за ней Мечеть Живого Царя (Шахъ-Зинда) — драгоцѣннѣйшій памятникъ древняго зодчества. Въ половинѣ XIV в. эту мечеть построилъ Тамерланъ въ честь своего учителя... Вотъ Мечеть Старшей Жены (Биби-Ханымъ) — величественныя руины нѣкогда изумительнаго храма. Историкъ Тимура съ восторгомъ описываетъ эту мечеть — лучшій образецъ древняго арабскаго искусства... Вотъ чудесный порталъ и за нимъ мавзолей на могилѣ самого повелителя, увѣнчанный высокимъ голубымъ куполомъ. Здѣсь совершенство мозаичныхъ работъ и архитектуры... Вотъ площадь, пережившая уже много вѣковъ, извѣстная всѣмъ далеко за предѣлами Средней Азіи, красивѣйшая площадь Ригистанъ, съ трехъ сторонъ окружен-

ная величественными древними постройками исфаганскихъ мастеровъ... Царскіе дворцы, тріумфальныя арки, грандіозные цвѣтные купола, высокія, уже наклонившіяся башни, минареты, роскошные лѣстницы и залы, молельни, часовни, надгробные памятники — всюду мраморъ, темный нефритъ, цвѣтные изразцы, неисчезающая лазурь и позолота. Все изукрашено причудливыми арабскими рисунками, орнаментомъ, изразцовой мозаикой замѣчательной красоты и свѣжести. Поразительны разнообразіе и сложность древнихъ твореній, до нашихъ дней сохранившихъ все свое великолѣпіе!

Среди этихъ царственныхъ руинъ раскинулся теперь туземный городъ. Его жизнь — огромный базаръ, безчисленное множество рядовъ съ маленькими лавочками, похожими на ящики. Здѣсь сарты, узбеки, таджики и киргизы занимаются торговлей. Оживленіе всюду необыкновенное. Картина восточной жизни чрезвычайно пестра и оригинальна... Въ разноцвѣтныхъ широкихъ халатахъ, съ пышными чалмами по базару снуютъ тысячи смуглыхъ лицъ. Покупаютъ, продаютъ, бесѣдуютъ. Слышится отовсюду сартскій, персидскій, арабскій языкъ... Проѣзжаютъ повозки, арбы. Знатный персъ ѣдетъ верхомъ съ соколомъ въ рукѣ. Молчаливо мелькаютъ фигуры женщинъ, скрывъ лицо подъ черными чадрами... Въ своихъ чай-ханэ сарты пьютъ зеленоватую водицу, курятъ опіумъ, табакъ... Усѣвшись на широкой площади, внимательно слушаютъ проповѣди муфтія, муллы, ишана. Проповѣдникъ фана-

тиченъ, говоритъ великолѣпно... Сыновъ пророка къ вечернему и утреннему намазу громко призываютъ муэдзины... Куда ни взглянешь—старинные обычаи, патріархальность, и всюду мелодичный шумъ, неумолкающій, странный говоръ.—«Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!» Подъ яркимъ солнечнымъ лучемъ площадь Ригистанъ и прилегающія улицы—изумительное зрѣлище!

Изъ русскаго города по Абрамовскому бульвару сюда ежедневно ѣздитъ Вѣра Федоровна. Насладившись сперва достопримѣчательностями Самарканда, осмотрѣвъ ихъ за эти дни всѣ безъ исключенія, она увлекается теперь восточнымъ базаромъ, какъ увлекаются до самозабвенія и всѣ ея спутники. Она ходитъ по лавкамъ, покупаетъ драгоцѣнныя вещи изъ серебра и золота, старинныя украшенія — «подвѣски», шелковыя матеріи туземной работы, скатерти, ковры—«паласы», смотритъ яркіе персидскіе халаты, изъ одной лавочки спѣшитъ въ другую, гдѣ «лучше и красивѣе»,—и покупаетъ, покупаетъ безъ конца... Она хочетъ устроить въ своей петербургской квартирѣ столовую въ восточномъ вкусѣ, такую, «какой ни у кого еще не было»... Вечеромъ въ театрѣ Вѣрѣ Федоровнѣ разсказываютъ о новыхъ находкахъ на базарѣ, и на другой день она уже усердно ищетъ. Обыкновенно, на базаръ ее кто-нибудь сопровождаетъ, и компанія веселится, восхищается, торгуется, покупая новыя красивѣйшія ткани и одежды. И кто бы сталъ предполагать, что одно прикосновеніе къ этимъ мате-

ріямъ могло быть ядовито, что въ складкахъ ихъ могла таиться жадная, невидимая смерть?! Вѣдь нужно помнить, что Вѣра Федоровна и всѣ ея спутники пріѣхали сюда никѣмъ не предупрежденные! Таковы ужасающіе обычаи управителей этой русской окраины!

Впечатлѣніе отъ Самарканда и туземнаго базара у всѣхъ ослѣпительное. Кажется, что театра нѣтъ, или онъ только мѣшаетъ: все осмотры, «открытія», покупки, погоня за рѣдкими вещами—своеобразный спортъ! — и сарты, сарты, сарты! Но Вѣра Федоровна всегда подаетъ примѣръ удивительнаго умѣнья и веселиться, и работать. Въ театрѣ она—первая, внимательная къ своему дѣлу до мелочей.

Гастроли въ Музыкально-Драматическомъ Обществѣ. Маленькій, деревянный, сырой и грязный театръ. Какъ въ захудалой русской провинціи. Снова три пьесы, какъ въ Асхабадѣ, и такой же успѣхъ. И снова невольныя недоумѣнія: зачѣмъ играть здѣсь Вѣрѣ Федоровнѣ, при такихъ же, если не худшихъ, условіяхъ, при которыхъ она могла бы играть въ любой русской провинціи? И зачѣмъ этотъ въѣздъ за тысячи верстъ сюда, зачѣмъ колоссальные путевые расходы, чтобы увидѣли Вѣру Федоровну въ Закаспійскомъ краѣ, когда ее еще многіе съ такимъ же удовольствіемъ встрѣтили бы въ коренной Россіи? Вѣдь будучи въ Варшавѣ, Вѣра Федоровна не объѣзжала безчисленные небольшіе города польскаго края, сборъ съ которыхъ почти равенъ сбору здѣсь?—Эти вопросы, конечно, не

могли явиться обвиненіемъ кого-либо изъ устроителей поѣздки, а тѣмъ менѣе Вѣры Федоровны, потому что всѣ вѣрили, что заѣздъ сюда—обогащеніе. Но уже было очевидно, что предварительные «расчеты» оказались чрезвычайно легкомысленными, и вмѣсто подсчитыванія мнимыхъ барышей слѣдовало бы навести заранѣе точныя справки. Вотъ что значится въ «Путеводителѣ по Самарканду»: «Самаркандъ состоитъ изъ двухъ частей, русской и туземной. Первая съ населеніемъ, вмѣстѣ съ войсками, около 15 тысячъ. Туземная часть съ населеніемъ около 40 тысячъ».

Но, «Богъ съ ними», съ этими вычисленіями и путеводителями! Если эти два города не оправдали ожиданій, вѣроятно Ташкентъ, какъ здѣшній русскій центръ, выйдетъ блестящимъ!—И снова въ путь!

Передъ отъѣздомъ отсюда, Вѣра Федоровна посылаетъ въ Москву срочную телеграмму Студенческому кружку имени А. П. Чехова по поводу пятидесятилѣтія со дня рожденія писателя: «Во вселенной остается постояннымъ и неизмѣннымъ одинъ лишь духъ». Вѣра Коммиссаржевская *).

И здѣсь, съ небесной высоты—яркая комета. Что это? Предзнаменованіе?

*) „Чайка", дѣйствіе первое, монологъ Нины Зарѣчной.

Ташкентъ, 17—26 января.

Труппа пріѣзжаетъ сюда въ ласковый теплый день. Быстро нашли гостиницы: Вѣра Федоровна и нѣсколько артистовъ въ Hotel'ѣ Захо, остальные въ «Россіи». Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, задаваемыхъ «туристами» прислугѣ,—есть ли здѣсь восточные базары? Оказывается, есть, только на окраинѣ, очень далеко отъ центра. Это обстоятельство нисколько не смущаетъ, и Вѣра Федоровна, а также и другіе ѣдутъ... Но здѣшній базаръ значительно хуже самаркандскаго: нѣтъ историческихъ памятниковъ, живописности, патріархальности; торгуютъ гдѣ-то въ ложбинахъ подъ огромными навѣсами, оживленіе коммерческое, всюду очень сыро и грязно. Базаръ похожъ на большую русскую ярмарку. Однако, и здѣсь поискамъ туристовъ въ первые два-три дня нѣтъ конца. Потомъ погода рѣзко измѣнилась, и увлеченіе базаромъ исчезаетъ.

Гастроли объявлены въ театрѣ Общественнаго Собранія. Театръ новенькій, вмѣстительный, уютный. Наконецъ-то попали въ помѣщеніе удобное и свѣтлое! Первый спектакль—«Родина». Публики очень много. Вѣру Федоровну встрѣчаютъ апплодисментами. По всеобщему признанію артистовъ, въ этотъ вечеръ—въ послѣдній разъ!—она играла Магду изумительно! Столько было обаянія и красоты! Ея слова дышали страстью, силой, дерзновеніемъ, она «хватала за душу»... Успѣхъ большой, вызываютъ безконечно...

Въ слѣдующіе дни Вѣра Федоровна играетъ «Нору», «Хозяйку гостиницы», «У вратъ царства» *). По утрамъ приходитъ на репетиціи «Чайки». Легко вспоминаетъ свою Нину Зарѣчную и энергично помогаетъ режиссировать пьесу. Въ перерывы часто бесѣдуетъ о школьныхъ дѣлахъ. Все болѣе болѣе развиваетъ планъ своей будущей работы, касаясь уже деталей. И теперь ее очень огорчаетъ, что обѣщанная статья о «новой школѣ» въ условленный срокъ не получена. Она не знаетъ, чѣмъ это объяснить, и посылаетъ телеграммы. Какъ и прежде, она неутомима.

Мѣстная пресса пишетъ о Вѣрѣ Федоровнѣ восторженно. Гимнъ похвалъ встрѣчаетъ артистку. Ея гастроли заинтересовали здѣшнюю русскую интеллигенцію, къ сожалѣнію, не особенно многочисленную...

Еще въ день спектакля «Хозяйки гостиницы» двѣ артистки очень жаловались на недомоганіе. Одна объяснила его своимъ предрасположеніемъ къ маляріи и играть отказалась, другая играла, но чувствовала себя очень плохо. Спектакль шелъ съ замѣной. На другой день обѣ артистки слегли. У обѣихъ была сильно повышенная температура, и товарищи опасались осложненій. Пронеслась

*) Спектакли въ послѣдовательномъ порядкѣ: 17 янв.— „Родина“, 18—„Нора“, 19—„Хозяйка гостиницы“, 20—„У вратъ царства“, 21 — „Дикарка“, 22 — „Нора“, 23 — „Огни Ивановой ночи“, 24 — утромъ „Дикарка“, вечеромъ — „Безприданница“, 25—„Сестра Беатриса“, спектакль отмѣненъ, 26—„Бой бабочекъ“, 27—„Пиръ жизни“, спектакль отмѣненъ.

волна безпокойства... Днемъ позже стали жаловаться на сильную простуду и двое артистовъ. Оба были заняты въ «Дикаркѣ», и играли, выбиваясь изъ силъ. Въ антрактахъ они сидѣли молча въ своихъ уборныхъ, стараясь превозмочь начинавшуюся лихорадку. На другой день они слегли. Всеобщее безпокойство быстро усиливается... Что за причина столькихъ заболѣваній? Не тифъ ли? Эта мысль заставляетъ опасаться и за здоровье другихъ: живутъ всѣ одной семьей, и заразиться очень легко.

Вѣра Федоровна удручена, и не знаетъ, чѣмъ объяснить все случившееся. Часто навѣщаетъ больныхъ. Волнуется, дѣлаетъ усилія сохранить самообладаніе... Призванный врачъ не рѣшается сразу опредѣлить форму заболѣваній, и всѣ тревожно ждутъ...

Спектакли продолжаются. Утромъ еще репетируютъ «Цѣну жизни», пьесу Вл. И. Немировичъ-Данченко для поѣздки въ Сибирь. Вѣра Федоровна вновь играетъ Анну, и на первой же репетиціи даетъ яркій образъ этой страдающей и гордой женщины. Увлекается работой. Художникъ въ ней несокрушимъ.

Но все мрачнѣе и мрачнѣе становится дѣйствительность. Не прошло и трехъ дней, какъ въ труппѣ два новыхъ заболѣванія! Опять работали до послѣдней возможности, и свалились въ жару и лихорадкѣ... Изъ больныхъ почти никто не поправляется. Многіе изъ труппы уже не надѣются спасти себя отъ общей участи,— внезапное бѣдствіе кажется неодолимымъ. На-

строеніе крайне подавленное, испуганное. Всѣ актеры считаютъ, что уже наступилъ моментъ прекратить гастроли: положеніе здоровыхъ совершенно ненормально, они работаютъ въ обстановкѣ живого ужаса, и необходимъ хоть краткій отдыхъ, дабы притти въ себя! И глухой ропотъ идетъ въ труппѣ.

Но Вѣрѣ Федоровнѣ совѣтуютъ сохранить «дѣловое настроеніе», всячески поддерживая въ ней удивительную энергію и стойкость духа. Гастроли не отмѣняются, ихъ закончатъ во что бы то ни стало... Наступаетъ самый тяжелый день: 24 января играютъ и днемъ, и вечеромъ. «Дикарка» и «Безприданница» шли, конечно, съ замѣнами, но получалось впечатлѣніе, что заболѣванія товарищей не мѣшаютъ дѣлу. Однако, и эти послѣднія усилія не могутъ спасти гастролей: на другой день въ труппѣ насчитываютъ шесть больныхъ. Кромѣ того, театральный парикмахеръ чувствуетъ сильнѣйшее недомоганіе. И спектакль — «Сестра Беатриса» — отмѣняется.

Объ гостиницы — маленькіе лазареты. Всѣ артистки — милыя сестры милосердія. Самоотверженно ухаживаютъ, утѣшаютъ, стараются развлечь и успокоить. — Все пройдетъ и кончится благополучно. Жаль только, что несчастье случилось такъ далеко въ пути, въ Ташкентѣ... Говорятъ о простудахъ, о возможной азіатской маляріи — и уже не сомнѣваются, что наступила расплата за чрезмѣрное увлеченіе базарами...

И Вѣра Федоровна — сестра милосердія. Въ отелѣ Захо двое больныхъ, и она постоянно, нѣ-

сколько разъ въ день ихъ навѣщаетъ. Ласково бесѣдуетъ, стремится чѣмъ-либо помочь. Такая заботливая, кроткая, сердечная! Ее жаль, добрая душа ея страдаетъ: вѣдь все несчастье — изъ-за поѣздки! Но она скрываетъ боль, затаила глубокую печаль. Теперь необходима помощь милосердія, и вотъ она первая приходитъ съ ней. — И распоряжается, неоднократно совѣтуется съ докторомъ...

Въ виду обнаруженныхъ у одного больного ясныхъ признаковъ, докторъ М. И. Слонимъ опредѣляетъ оспу.

Оспа!... Рано утромъ, 26 января, съ быстротою молніи всѣ узнаютъ о ней — и ужасъ проникъ въ душу... Оспа... Если у одного — у всѣхъ: всѣ въ одинаковыхъ условіяхъ! Одна судьба!.. Кто знаетъ, можетъ быть, завтра ни одинъ не будетъ здоровъ. И какъ жить на чужбинѣ съ такою страшною болѣзнью?...

Заболѣвшаго артиста тщательно изолируютъ. Въ отелѣ Захо къ нему никого не допускаютъ, и завтра же увезутъ въ больницу.

Весь день самое подавленное состояніе... Вѣра Федоровна взволнована необычайно.—Послѣднія усилія, чтобы не впасть въ отчаяніе...

А вечеромъ — спектакль...

Послѣдніе дни.

Это было безуміемъ — играть «Бой бабочекъ». Уже къ вечеру Вѣра Федоровна почувствовала

головную боль, и все-таки поѣхала въ театръ. Какая увѣренность въ своихъ силахъ, уже надорванныхъ всѣмъ предыдущимъ! Какое терпѣніе — перенести до конца всѣ испытанія! Никто другой не отважился бы сдѣлать то, что сдѣлала Вѣра Федоровна, сыгравъ въ этотъ вечеръ всю пьесу. И при какихъ условіяхъ: почти съ половиной новыхъ исполнителей, замѣнившихъ больныхъ товарищей.

Пріѣхавъ въ театръ, у нея нѣтъ ни одной свободной минуты. Она не можетъ хоть немного успокоиться отъ общей суеты и спѣшности... Вотъ уже дали занавѣсъ... Она рисуетъ своихъ бабочекъ—маленькая Рози! Она играетъ, она весела!— А за кулисами говоритъ, хватаясь за голову:

— Я чувствую, чувствую, что у меня начинается сильный жаръ...

И снова выходитъ на сцену, наивно улыбается— прелестная Рози! Блестятъ лихорадочно ея глаза, еще глубже наивный взоръ, будто испуганный, и какъ завороженная говоритъ она слова... Милая Рози, очаровательная Рози! Сколько скрытаго страданія, сколько страшной воли подъ маскою игривой беззаботности!...

Спектакль идетъ. Зрительный залъ совершенно полонъ. Какъ нарочно, публика жадно устремилась къ рампѣ. А тамъ—отчаянная борьба, чтобы никто не замѣтилъ, не узналъ этой жгучей боли...

Какъ воскъ таютъ силы, какъ темный сонъ пришли минуты... Но вотъ снова мелькаетъ свѣтъ рампы, слѣпитъ глаза—ахъ, веселая Рози! Съ лукавой шаловливостью она пьетъ шампанское!

Ушла со сцены—уже въ уборной, и дрожитъ вся подъ бичемъ лихорадки...

Случилось небывалое, невѣроятное. Никогда раньше не указывали Вѣрѣ Федоровнѣ, когда выходить на сцену. Это было бы оскорбленіемъ артистки! Она помнитъ всю пьесу, знаетъ наизусть «Бой бабочекъ», подарившій ей столь громкую славу. Вѣдь это п е р в а я ея роль, первое прекрасное созданіе! Знаетъ все — и теперь забыла!

— Вѣра Федоровна! Выходите!

И вздрогнувъ, будто отъ сна встрепенувшись, она идетъ, идетъ... Нужно играть, необходимо играть... Милая, любимая Рози!...

— Боже, Боже! Что со мной? — и мгновенно умолкаетъ. Боится вскрикнуть, когда крикъ былъ бы избавленіемъ отъ непрерывныхъ мученій...

А въ залѣ апплодируютъ! Тамъ произносятъ ея имя, въ послѣдній разъ несется гулъ голосовъ, встрѣчая Вѣру Федоровну...

— Рози! Рози! Рози!...

Спектакль конченъ. Глухо упалъ занавѣсъ. Вздохъ изумленія пронесся за кулисами... Не помня себя, укутавшись въ соболью шубу, Вѣра Федоровна бѣжитъ изъ театра... Скорѣй, скорѣй сонъ и отдыхъ!—Уже въ изнеможеніи, уже въ предчувствіи расплаты за сверхсильный трудъ...

А на завтра объявлена послѣдняя гастроль передъ отъѣздомъ въ Самару—«Пиръ жизни». Какая чудовищная нелѣпость!!

Въ отель Вѣру Федоровну вводятъ, сама уже не можетъ итти... Блеснуло электричество — она смертельно блѣдная... Укладываютъ въ постель. Miss Fogler и горничная безшумно суетятся... Даютъ лѣкарства... Утѣшаютъ... говорятъ, что это инфлюэнца... Вѣра Федоровна послушна какъ ребенокъ... Въ полузабытьи...

Электричество погасло. Тишина...

Она лежитъ, охваченная лихорадочнымъ огнемъ. Онъ непрерывно усиливается и гонитъ сонъ... Уже нѣтъ сна — только тишина, превратившаяся въ раскаленный ужасъ... Часы идутъ... Сознаніе переходитъ въ бредъ...

— Боже, что со мной? Скорѣе доктора!

Утромъ приходитъ М. И. Слонимъ. Вѣра Федоровна его уже знаетъ,—онъ очень внимательный и осторожный... Температура около 39... Спокойствіе, спокойствіе... Необходимо немедленно привить оспу... и на обѣихъ рукахъ...

И докторъ прививаетъ...

Она лежитъ, укутавшись въ одѣяла. Поверхъ нихъ накинули еще соболью шубу... Какая блѣдная головка! Какіе впалые, печальные глаза!...

Зашли на минуту узнать. Боязливо входятъ въ спальню.

— Милая Вѣра Федоровна, здравствуйте! — и дрожитъ голосъ неувѣренный.

— Ахъ, плохо мнѣ... Не спала всю ночь...

— А вамъ...

— Оспу? Да, да, привили! И на обѣихъ рукахъ!

Что думаетъ она, съ такой энергіей произнося эти слова? Не хочетъ ли отдалить приближе-

ніе темнаго ужаса — когда узнаетъ, когда ей скажутъ...

И говоритъ еще, едва слышно:

— Пошлите, милый, телеграмму... что опаздываю въ Самару...—говоритъ, полузакрывъ глаза...

Эта ночь лишила ее остатка силъ... Смертельная усталость... Набѣгаетъ тяжелый сонъ...

Въ гостиницѣ тишина. Неслышно ходятъ въ коридорѣ. Всѣхъ умоляютъ, просятъ: необходимъ полный покой.

Въ двухъ просторныхъ комнатахъ Вѣры Федоровны приспущены шторы... Темно и тихо... Она спитъ...

Глубокая скорбь на лицахъ всѣхъ. Ожидаютъ, что у Вѣры Федоровны тифъ или малярійная лихорадка. А можетъ быть...—и боятся назвать эту болѣзнь!

По приказанію врача сдѣлали предохранительную прививку всѣмъ участникамъ поѣздки.

Къ вечеру температура у Вѣры Федоровны около 40.

Утромъ докторъ сказалъ: это оспа.

Уничтожены послѣднія сомнѣнія, которыми еще вчера всѣ такъ жадно жили! Послѣдняя надежда исчезла! Глухое отчаяніе проникло въ душу, и наступившій день—могильный сумракъ.

Теперь уже ничто непоправимо: она во власти ядовитой силы, которая не знаетъ сопротивленій. Или смерть, или освобожденіе. Только «да», и

только «нѣтъ». Слѣпая судьба—случай. Она уже на краю бездны...

Вѣра Федоровна сама узнала о своей болѣзни. Въ роковое мгновеніе страшнымъ напряженіемъ воли она сумѣла овладѣть собой — и покорилась.

— Я такъ и знала!...

Теперь для нея одно: спасти, спасти себя! Только не упасть въ бездну! И она проситъ ухаживать за нею Н. Д. Кистеневу, которая въ дни эпидеміи была прекрасной и опытной сестрой милосердія.

Немедленно приходитъ на помощь Вѣрѣ Федоровнѣ и ея другъ дѣтства, добрѣйшій А. А. Фрей: къ услугамъ больной его квартира.

И уже къ вечеру Вѣра Федоровна переѣзжаетъ. Съ головы до ногъ ее укутали и бережно вынесли на рукахъ изъ спальни. Положили въ карету, и въ ненастный темный вечеръ перевезли на Самаркандскую улицу. Тамъ вмѣстѣ съ нею остались жить: Н. Д. Кистенева, miss Fogler, и въ качествѣ секретаря А. П. Зоновъ. На помощь взяли сестру милосердія и больничнаго слугу.

Опредѣливъ у Вѣры Федоровны зараженіе натуральной оспой, врачъ, почти одновременно посѣтивъ другихъ больныхъ, высказалъ подозрѣніе, что одинъ изъ нихъ заболѣлъ не натуральной, а черной оспой!

Въ бѣдной семьѣ, заброшенной на чужбинѣ, паника...

Тихая Самаркандская улица. Въ концѣ ея — бѣлаго цвѣта одноэтажный домъ. Здѣсь, у друга дѣтства нашла послѣдній пріютъ Вѣра Федоровна.

Ея помѣщеніе изолировано. Четыре комнаты. Въ одной изъ нихъ, окнами на дворъ, спальня. Больная лежитъ въ совершенной тишинѣ, ее ничто не можетъ безпокоить. Безсмѣнно около ея постели Н. Д. Кистенева и miss Fogler — сестры милосердія. Она окружена безконечнымъ вниманіемъ, непрерывными заботами. Съ идеальной точностью исполняются предписанія врача. Но больше ихъ—любовь и преданность Вѣрѣ Федоровнѣ обѣихъ сестеръ: ради нея, ради жизни безцѣнной приносятъ въ жертву все...

Болѣзнь развивается съ поразительной силой. Никакого облегченія съ того момента, какъ опредѣлили оспу. Больную по-прежнему страшно лихорадитъ и температура все время 40, иногда даже больше. Полное безпамятство, потеря силъ. И страшный бредъ... Сестры милосердія разсказываютъ: ей чудятся восточные базары, сарты... У нихъ товары — она не хочетъ покупать... Довольно!... Но ее грозятъ убить, за нею гонятся— и она кричитъ отчаянно, зоветъ на помощь, молитъ о пощадѣ... Она не хочетъ умирать!...

День за днемъ, все болѣе и болѣе болѣзнь одолѣваетъ. Вторично врачъ дѣлаетъ прививку. Постоянство почти предѣльной температуры заставляетъ ждать роковыхъ осложненій. Уже не вѣрятъ, что Вѣра Федоровна перенесетъ ядовитый недугъ. И когда приходятъ и спрашиваютъ

сестеръ милосердія — на глазахъ у нихъ слезы. — Не надо говорить! Понятно все...

Но вдругъ спалъ жаръ. Это было ко второму февраля. Температура сразу понизилась, и Вѣра Федоровна пришла въ себя. Безпамятство и бредъ ослабли, мысль и ощущеніе жизни вернулись... Какое счастье, какая радость! Проснулась надежда, — какъ проснулась однажды Вѣра Федоровна и тихо заговорила... Теперь поможетъ помощь сестеръ! Теперь — глубочайшее вниманіе, забота и день и ночь, забота каждую минуту...

У больной страшная потеря силъ. Только подумать, что̀ перенесла она за эти долгіе дни! Она почти ушла изъ жизни, ушла въ тьму отчаянной борьбы со смертью, была въ чудовищномъ ужасѣ исчезновенія — и вотъ вернулась! Ея крѣпкій организмъ и исключительное по силѣ сердце спасли ее! Какою же цѣною она получила избавленіе!

Первая забота сестеръ — питаніе. Но оно чрезвычайно затруднительно: поражены всѣ слизистыя оболочки. Питаніе вызываетъ острую боль, тошноту. Вѣра Федоровна постоянно кашляетъ, и кашель глубокій, непрерывный, удушливый. Она испытываетъ мученія ежеминутно. И все-таки ей лучше!... Сестры разсказываютъ: Вѣра Федоровна отказывается отъ самой необходимой пищи, но мы ее обманываемъ: какъ лѣкарство даемъ ей и питательный экстрактъ! — Мы выдумали, а докторъ разрѣшилъ, это будетъ укрѣплять...

Ежедневно по нѣсколько разъ кто-нибудь отъ труппы навѣщаетъ больную. Въ прихожей узнаютъ

все отъ Н. Д. Кистеневой или А. П. Зонова... Однажды Н. Д. Кистенева встрѣтила пришедшихъ съ радостной улыбкой.

— Сегодня Вѣра Федоровна спала ночь. Проснувшись, она сказала:

— Во снѣ я видѣла Антона Павловича (Чехова)... Какъ мнѣ было хорошо, легко...

И улыбается сестра, а въ добрыхъ глазахъ — слезы. Какое счастье! Вѣра Федоровна возвращается къ жизни!

Проходитъ еще нѣсколько дней. Уже говорятъ тѣмъ, кто навѣщаетъ:

— Скоро Вѣра Федоровна поправится настолько, что будетъ возможно посовѣтоваться съ нею о дѣлахъ.

Кромѣ Вѣры Федоровны въ труппѣ заболѣло оспой пятеро: двѣ артистки, два артиста и театральный парикмахеръ. Послѣ тщательныхъ наблюденій докторъ М. И. Слонимъ установилъ причину эпидеміи: большинство заразилось при посѣщеніи базара въ Самаркандѣ. Туземные базары — постоянный очагъ заразы, санитарное состояніе ихъ ужасно. Такъ вотъ причина! О ней узнали в п е р в ы е лишь здѣсь — когда мѣры предупрежденія были уже поздними...

Заболѣвшіе товарищи лежатъ въ больницахъ, ихъ усердно навѣщаютъ. Къ счастью, почти у всѣхъ зараженіе въ легкой формѣ, и предположеніе врача давно забыто. Почти всѣ медленно выздоравливаютъ...

Послѣ тяжелаго длительнаго ожиданія узнаютъ, наконецъ, радостную вѣсть: Вѣрѣ Федоровнѣ стало лучше, теченіе болѣзни идетъ нормально. И вотъ, со второго февраля пронеслась волна успокоенія... Уже стали намѣчать ближайшій планъ работы: на то время, пока Вѣра Федоровна будетъ поправляться, — ѣхать безъ нея играть въ Кокандъ. А послѣ она сама рѣшитъ, продолжать ли прерванную поѣздку.

Радостная вѣсть была свѣтлымъ мимолетнымъ сномъ! Въ ураганѣ внезапнаго ужаса погибло все.

Въ ночь на девятое число, у Вѣры Федоровны съ ошеломляющей быстротой наступаетъ ухудшеніе. Вновь сильнѣйшій жаръ. Назрѣвшая оспенная сыпь обнаруживаетъ подъ собою страшное количество гноя. Малѣйшее движеніе — нечеловѣческая боль. Вѣра Федоровна теряетъ сознаніе. Гной, сходя съ тѣла, срываетъ его покровы... Уже ничто не можетъ остановить начинающееся гангренозное зараженіе крови... Днемъ — осложненіе въ почкахъ, нефритъ, и постепенное омертвѣніе тканей...

Въ роковой день, вечеромъ собирается консиліумъ. Врачи признали положеніе больной безнадежнымъ, опредѣливъ оспенное зараженіе роковымъ по исходу...

Гибель неизбѣжна... Ночью страшное разрушеніе тѣла продолжается... Омертвѣли ткани туловища, рукъ и ногъ... Къ утру дѣятельность

пульса прекратилась. Уже умерла психическая жизнь... Наступили послѣднія минуты...

Разсказываютъ, что Вѣра Федоровна еще наканунѣ вечеромъ, когда пришли врачи—съ неистовою силою, въ изступленіи воскликнула:

— Довольно! довольно! довольно!

Такъ, въ предчувствіи смерти, простилась она съ жизнью.

Разсказываютъ еще, что въ послѣднюю ночь Вѣра Федоровна на мгновеніе пришла въ себя и, подозвавъ Н. Д. Кистеневу, тихо молвила ей:

— Ангелъ мой хранитель, положите мнѣ голову на грудь.

Такъ простилась она со своими близкими.

Наступили послѣднія минуты... Она уже давно безъ сознанія... Призываютъ священника. Глухая исповѣдь... Все рѣже и рѣже ея дыханіе... Священникъ кончилъ молитву: послѣдній вздохъ— и умерла...

Въ холодный солнечный день пустыней кажется земля. И уже больше не пугаетъ чудовищная смерть. Все кончено! Только одна печальная вѣсть всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ:

Сегодня, десятаго февраля, въ часъ сорокъ минутъ дня скончалась Вѣра Федоровна Коммиссаржевская.

Нисходитъ лунная ночь. И тишина, и сумракъ, и холодная печаль... Безлюдна Самаркандская улица. Лишь тамъ, около дома — глухіе голоса...

Въ комнаты войти нельзя. Принесли тяжелый гробъ, и заперли всѣ двери...

Въ темной спальнѣ зажгли свѣчи. Меркнетъ робкій свѣтъ... Вотъ лежитъ на постели умершая. Подлѣ нея на колѣняхъ прощаются тѣ, кто былъ съ нею въ эти дни. Плачутъ тихо, зовутъ ее, зовутъ испуганно... Холодѣетъ сердце отъ отчаянія—и дрожитъ въ тишинѣ голосъ, призывающій напрасно... Все кончено! Ничто не вернетъ міру даже звука той, которая исчезла. Она лежитъ, успокоенная навѣки.

— Бережно примите ее...

И положили тѣло въ гробъ, завернутое въ бѣлый саванъ... Еще открыто лицо ея — но и на немъ уже пелена... Она въ гробу... Его закрыли.

— Бережно примите и отдайте землѣ безцѣнный прахъ...

Ненастный вечеръ какъ темная ночь. Непроницаемая мгла... Далеко за городомъ—маленькая кладбищенская церковь. Тамъ въ полумракѣ стоитъ гробъ, убранный вѣнками. Молится священникъ и пришедшіе, и въ молитвахъ тихихъ безконечная печаль... Трепещетъ сердце отъ воспоминаній—и воскресаетъ въ сіяніи жизни ликъ той, которая въ гробу. Къ нему прикованные взоромъ, рыдаютъ, ибо нѣтъ силъ, нѣтъ мысли принять эту смерть! Какъ въ плѣну душа живетъ въ минувшихъ дняхъ, живетъ съ нею— зачѣмъ же этотъ мракъ, зачѣмъ же ночь и исчезновеніе?

— Вернись, вернись! — и печаль неутолимая сжигаетъ сердце... Гдѣ же утѣшеніе, гдѣ конецъ скорби?...

И вдругъ рождается въ душѣ свѣтлое видѣніе.

— Сестры и братья мои! Почему вы плачете? Развѣ не съ вами я? Развѣ голоса моего не слышите? Моя любовь и мой міръ не могутъ умереть, какъ не умираетъ красота. Живите же со мною, ибо я живу съ вами во-вѣки...

— Сестры и братья мои! Почему вы плачете? Почему боитесь моей смерти? Но я умру лишь тогда, когда меня забудете. Сохраните голосъ жизни моей и смерти въ вѣчной памяти. Воскресеніе мое—въ сердцахъ вашихъ...

Заутро приняли гробъ, и вынесли изъ церкви къ скорому погребенію. На вѣнкѣ отъ осиротѣвшей труппы была надпись:

Во вселенной остается постояннымъ и неизмѣннымъ одинъ лишь духъ.

Библиотека Ленинградской Эстонской Школы
28 — 3040
24/XI 1972 г.
Л
КЛ-2

80 коп.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

НИЧТО.

ПОВѢСТВОВАНІЕ.

М. 1912. ц. 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Петербургъ: Кн. маг. Т-ва „Н. П. Карбасниковъ", Гостиный дв., 19
Кн. скл. „Комиссіонеръ", Садовая, 18.

Москва: Кн. маг. „Образованіе", Кузнецкій м., 13.
Кн. маг. Т-ва „Н. П. Карбасниковъ", Моховая, 26.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00034975466